

Борис Цеханович

Полицай

Hilfspoliz

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Цеханович

Полицай

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Цеханович Б. Г.

Полицай / Б. Г. Цеханович — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Герой повествования не владеет восточными или иными единоборствами, не умеет мастерски метать ножи, не снайпер, не владеет энциклопедическими познаниями оружия и технологией изготовления. Он обычный военный пенсионер, волей обстоятельств и непонятных сил попадает из настоящего времени в 1941 год, в глубокий немецкий тыл и в ситуацию, когда нельзя уйти в партизаны и ты сам ещё полицай, да со скользким прошлым. А ведь когда вернётся сюда Красная армия, надо что-то представить ей, чтоб тебя сразу не поставили к стенке. И он начинает свою борьбу, даже не подозревая, к чему она приведёт. Содержит нецензурную брань.

© Цеханович Б. Г., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Полицай

Наше время

Пустынная дорога умиротворяюще стелилась под колёса автомобиля и качественно проведённые переговоры с Заказчиком, который из потенциального превратился в реального с дальнейшей перспективой подписания приличного и жирненького договора, превращало возвращение домой из долгой и нудной поездки в приятную. Сегодня выехал из дома в два часа ночи. 600 вёрст пролетел за восемь часов, сами удачные переговоры заняли всего один час и я стартанул обратно. Первые, мои не любимые, нервные и выводящие из нормального состояния любого водителя, сто километров ехал по загруженной и напрочь забитой фурами трассе М5, где особо не разгонишься, частые встречи и ГАИшники, чуть ли не на каждом «хлебном» месте. Но, проехав эти сто километров, свернул влево на областную трассу и триста двадцать предстоящих километров по мало загруженной дороге, быстро восстановили нормальное настроение, когда сама поездка доставляла удовольствие. По сторонам тянулись холмы, густо покрытые зеленью лесов, периодически распахиваясь огромными просторами с полями, засеянными злаками, чередуясь с многочисленными небольшими берёзовыми рощами и весёлыми перелесками.

А такая спокойная езда настраивала на неспешные раздумья, строительство различных планов на ближайшее и отдалённое будущее. Хотя это будущее было с некоторой долей грусти, которое навеивалось моим возрастом.

Да... 64 года, это тебе не хухры-мухры. Хотя, если по-честному, то я их, чисто физически, не особо ощущал. Ну..., может быть..., стал быстрее уставать. Силы стали не те. Лет десять назад я на даче запросто подымал циркулярку, где веса было 50 кг и на руках спокойно заносил в гараж. А сейчас уже хрен подыму, приходится волоком по доске затаскивать. Или один раз сдуру, мешок с сахаром в 70 килограмм, запросто на плече упёр пехом на седьмой этаж. А теперь такой фокус не пройдёт. Пьянеть стал быстрее и приходится сейчас в этом плане осторожничать. Были и другие досадные мелочи. А так..., я был здоров. Выглядел, как мне врачиха удивлённо сказала на последнем мед осмотре в прошлом году: – Ни за что бы вам, Сергей Николаевич, не дала ваши 63 года. Так..., может быть..., лет так, – врачиха, женщина бальзаковского возраста, но приятной наружности, прищурилась и чисто женским, заинтересованным взглядом оглядела меня, – лет 53..., ну может 54. И медицинские показатели и анализы, тоже у вас отличные.... Соответствующие вашему внешнему виду. То есть как раз 50 летнему мужчине.

– Спасибо на добром слове, но честно скажу: щебёнку струёй уже не расшибаю, а только слегка шевелю. К сожалению... А вот лет десять назад, когда писал она сразу растрескивалась....

– Ну-ну..., рано ещё вам сожалеть. – С скрытым подтекстом протянула врачиха и я тут же «закинул удочку», также спросив, прищурившись на бейджик на соблазнительном бюсте четвёртого размера.

– Так, Елена Александровна, а может мы с вами.....

И мы с ней не хило сошлись и до сих пор с удовольствием встречаемся, приятно проводя время в её квартире.

Но всё равно. Это всё физические показатели, а вот чисто психологически, всё-таки грустно. Конец всё ближе и ближе. И даже если может быть ещё и 15-20 лет протяну бодренько – всё равно это не 30 и не 40 лет впереди, которые казались вечностью, когда иной раз в молодости задумывался над казавшейся очень далёкой старостью.

Хотя... Чего жалеть? Жизнь прошла нормально и за неё не стыдно. И если бы получить ещё один шанс начать всё сначала – опять бы ушёл в армию. Снова стал офицером и дослужился до полковника, а может быть и выше. Вышел на пенсию и ушёл также в строительство,

на живую работу, которая приносила не только удовольствие, но и не хилые деньги. Что было приятным бонусом к хорошей военной пенсии.

И вот так, потихоньку, под сожалеющим лозунгом – «Эх..., сейчас бы вернуться в прошлое... Лет так на сорок-сорок пять...!?!», постепенно скатился в воспоминания о весёлом безбашенном детстве. Вспомнился посёлок городского типа, куда нашу семью, вернее отца, офицера исправительной системы, перевели с небольшого таёжного посёлка и где я заканчивал среднюю школу, и откуда уходил в военное училище после получения среднего образования.

Конец шестидесятых, начало семидесятых годов, когда из беззаботного пацана, вырос в юношу, который уже что-то понимал и мог принимать решения и оценивать свои поступки. И нести ответственность за них. Хорошее время. Тут как-то разговорился со старшим сыном и высказал своё пожелание: – Вот дожить бы до 2045 года!? Посмотреть парад к 100-летию Победы и можно спокойно умирать....

Сын удивлённо задрал вверх брови: – Папа, а что тебе этот День Победы? Ну..., сейчас, когда ещё ветераны кое-кто живые есть – это большой праздник. А ведь потом это будет просто дата. Никого в живых, кто помнил или прошёл войну, не останется. Ну..., отметит государство и Всё...

Задумчиво посмотрел на сына, который тоже был старшим офицером и догнал меня в воинском звании и в должности. Только я уходил на пенсию командиром полка, а тот был комбригом: – Ты так, сын, рассуждаешь потому что принадлежишь к другому поколению. Да..., я родился через десять лет после войны. И совпадение какое: родился в тот же самый день, когда мой дядька, командир пулемётного взвода, в честь кого я назван, десять лет назад был ранен. Всё моё детство, всё моё воспитание, юношество, да и вся моя жизнь прошла под знаком той войны. Она была кругом нас, мы воспитывались на ней, она пронизывала всю нашу жизнь. И немногочисленные, старенькие ветераны, которые сейчас ещё живые, были тогда молодые, крепкие, энергичные и мы пацаны в рот им смотрели, затаив дыхание, слушая их рассказы. И День Победы и Великая Отечественная война – она часть самого меня. Очень большая часть. И если бы не она, я может быть не был тем, кто я сейчас. Как мужчина, как офицер... И наверно ты тоже не был сейчас полковником, если бы ты видел перед собой отца, гражданского шпака с аморфно-либеральным мышлением....

Наш отдалённый от центральных областей северный район был не только ссыльным, но и краем лагерей всех режимов содержания. И где, после окончания войны, сидели и немецкие военнопленные, и полицаи, политические и конечно обычный уголовный элемент. Если ещё немцам разрешалось после отсидки возвращаться в Германию, то остальные, как правило, оседали там, где сидели обычно по двум основным причинам. Либо некуда было ехать или стыдно туда возвращаться, либо было запрещено проживать в центральной части страны. Вот и жили мы среди, как прошедших войну, так и среди тех, кто тоже воевал, но оказался по другую сторону фронта.

Конечно, те кто был предателями особо не делились своими воспоминаниями. Жили тихо и работали, в том числе рядом и вместе с участниками Великой Отечественной и те к ним относились достаточно ровно. Считалось, что они своей отсидкой искупили свою вину, да и работали они, как правило, добросовестно. И они также как и остальные пользовались почти всеми гражданскими правами. Естественно, в государственные праздники они предпочитали отсиживаться по домам и не высовываться на улицу, потому что могли огрести и по роже от кого-нибудь слишком разгорячённого алкоголем и вспомнившим, кто попался ему под руку. А так..., для них в остальное время всё было нормально и спокойно. Хотя в посёлке все прекрасно знали, кто и за что сидел.

Вот с одним из них и познакомился через несколько дней, как мы переехали в посёлок.

Я с удовольствием колот дрова на лёгком морозце на улице около ворот нашего нового дома и не сразу обратил внимание на крепкого мужика, стоявшего недалеко и с интересом наблюдающего за моей работой.

Увидев, что я обратил на него внимание, он подошёл и поздоровался, как со взрослым за руку: – Смотрю, как ты с азартом дровишки колешь, – кивнул он головой на уже приличную кучу наколотых дров.

– Так на морозе хорошо они колятся, дядя.

– Меня Тимофеем зовут. А тебя как?

– Серёжа...

– Да ну... Ты ж не мальчик уже. Наверно лет пятнадцать? – Увидев мой кивок, серьёзным тоном продолжил, – так тогда по взрослому нужно – Сергей!

И снова, как взрослому протянул руку, закрепляя наше знакомство, что мне очень понравилось. Понравился и он сам. Высокий, статный, уверенный в себе, глаза внимательные, одет опрятно и в нём чувствовалась внутренняя мужская сила. Да и просто располагал он к себе.

– У тебя фамилия Егоров?

– Да, а вы откуда знаете?

– Да у нас хоть и большой посёлок, но деревня – деревней и новости тут же разносятся, – пояснил новый знакомый и в свою очередь предложил.

– Я, Сергей, около школы живу. Так что после занятий запросто можешь ко мне забегать. У меня в сарае знатная столярная мастерская оборудована. Научу чему-нибудь, что в жизни потом пригодиться. Да и книг у меня дополна. Что-нибудь себе выберешь. Читать любишь? Ну вот...

– Хорошо, дядя Тимофей... – пообещал ему и он пошёл дальше по улице по своим делам.

Мы переехали и вроде бы надо сразу идти устраиваться в школу, но в это время там был карантин по случаю эпидемии гриппа и туда попал лишь через две недели, совершенно позабыв про взрослого знакомого. Но тот сам о себе напомнил, когда бежал домой после уроков. Оказывается, он жил на улице, по которой ходил в школу и возвращался домой.

Я мчался по улице, лихо размахивая портфелем, когда вдруг услышал: – Сергей, здорово....

Дядя Тимофей стоял во дворе двухквартирного, бревенчатого дома, облокотившись всем телом на калитку, и приветливо улыбался: – Что-то забываешь знакомых, – пожурил он шутя.

– О..., здравствуйте, здравствуйте, дядя Тимофей. А я не знал, что вы именно здесь живёте...

– Спешешь?

– Да нет...

– Тогда заходи, – и дядя Тимофей гостеприимно распахнул калитку, – чаю с вареньем попьём, книжки посмотрим, а потом в мастерскую... А?

Это были благословенные советские времена, когда любой ребёнок смело мог доверять взрослому и не бояться чего-то срамного и позорного, что могло с ним случиться. И я смело зашёл во двор. Дома нас встретила приветливая жена дяди Тимофея, тётя Агаша, которая тут же поставила на плитку чайник и захлопотала у стола, выставляя туда разные вкусности. А пока чай закипал, дядя Тимофей с гордостью показал свою библиотеку. Да..., тут было чем гордиться. У меня сразу загорелись глаза, когда увидел хорошую подборку фантастики и исторических книг, к чему у меня была особенная тяга. И тут же попросил почитать пару книг. Потом почаёвничали и пошли в его домашнюю мастерскую. И тут было чему тоже удивляться. Так что два часа в гостях пролетели незаметно и увлекательно, и дядя Тимофей даже огорчился, когда я засобирался домой.

С тех пор дружба наша крепла и развивалась. Чуть ли не через день я вечером, когда он приходил с работы бегал к нему и зависал у него. А уж в выходные... И что самое интересное –

он всегда ждал меня и общался со мной как со взрослым, что очень импонировало. И они оба относились ко мне, как к сыну. У них тоже были дети. Старшая дочь Дарья рано вышла замуж и сейчас проживала с мужем сверхсрочником в нашей местности, но в отдалённом посёлке. Младший сын Николай, полгода назад был призван в армию и служил на Камчатке.

Однажды, на большой перемене, меня в сторону отвёл одноклассник Андрей. Он был в нашем классе комсгруппоргом: – Серёга, через месяц мы тебя будем принимать в комсомол, а ты дружишь не с теми людьми, – с апломбом начал он разговор.

Я вытаращил в удивлении глаза, не сразу сообразив, куда он клонит: – Не понял!? А с кем в классе я не могу дружить? – Даже руки раздвинул в стороны.

– Да ты меня не понял, – с лёгкой досадой произнёс комсомольский руководитель класса, – я тебе про Тимофея и тётку Агафью толкую...

– Ааа... А что тут такого. Я у него книги беру почитать. Шикарная у него библиотека. В мастерской там строгаем и пилим. И многому он меня по столярке научил..., – я не придавал это разговору значения и собирался отмахнуться от высокомерного одноклассника, который мне самому не нравился.

– А ты у него про его прошлое спрашивал?

Теперь я, откинув в сторону лёгкость общения, внимательно посмотрел на товарища: – Да как-то нет. А что там?

– Да полицай он. Его отец белоказак и братовья его тоже полицай, руки по локоть в крови. А тётка Агафья, тоже дочь закоренелого белогвардейца.

– И что? – Мне было досадно. С одной стороны проявил некую политическую близорукость, а с другой стороны не понравилось, что кто-то полез в мои дела. Да и мои новые знакомые нравились мне. Поэтому несколько агрессивно и в повышенном тоне, спросил, – а ты откуда так подробно знаешь о них?

– Отец рассказал, а он большой начальник и обязан знать про всех, – прозвучал резкий ответ, но уже через несколько мгновений одноклассник смягчил тон и слегка приглушённым голосом, таинственно продолжил. – Он ведь сразу с семьёй после войны сюда приехал. Видать решил спрятаться, туманно рассказывал, что вроде бы тоже воевал. А тут лет пять тому назад, его случайно опознали. Оказывается, в полиции служил с самого начала войны и пока наши ту территорию не освободили. Так что вот так.... Кончай с ним общаться.

– А чего его тогда не посадили? – Задал вполне закономерный вопрос.

– Да там какая-то мутная история, – Андрей с досадой поморщился, – то ли с Москвы позвонили, то ли кто-то приезжал, но начальству дали указание не трогать его. Типа – искупил вину или что-то там такое.... Всё равно, заканчивай с ним дружить, а то в комсомол не примем. А без комсомола ты в военное училище ни черта не поступишь..., – закончил он с едва прикрытой угрозой, что меня моментально взбесило. Да кто он такой, чтоб мне угрожать!? И я потерял осторожность, сам перейдя в наступление.

– Ха..., Андрей... Ты меня в дружбе попрекаешь с бывшим полицаем... Так твой отец и твоя мать, насколько я тоже знаю, не по комсомольской путёвке сюда прибыли, а по этапу после войны и по 58-й статье. Но ты же у нас в комсомольских жожаках ходишь и никто тебя этим не укоряет..., – прозвучало это довольно язвительно и вызывающе, отчего сразу пожалел, что так выступил.

Лицо Андрея покрылось красными пятнами и он подступил ко мне, сжав кулаки: – Откуда ты про это знаешь?

– Чёрт, зря это сказал, – пролетела в голове сожалеющая мысль, но уже отступить было поздно, – да случайно слышал, как отец с матерью разговаривали на эту тему. А мой отец тоже начальник. Да ладно тебе, Андрюха, – попытался свести на нет неприятную ситуацию.

Андрей зло сверкнул глазами и наставительно процедил сквозь зубы: – Моего отца и мать реабилитировали в 56 году. Ошибка это была.

Я смотрел на одноклассника и здорово переживал, что ситуация зашла так далеко и в лице Андрея мог приобрести сильного врага, который мог мне в будущем по комсомольской линии навредить. А мне это было ни к чему. Для поступления после школы в военное училище нужна была чистая анкета, отличные характеристики, как со школы, так и от комсомольской организации, поэтому пришлось включить заднюю скорость и, преломляя свою гордость, пошёл на мировую.

– Ладно, ладно, Андрей. Давай замнём это. Я тебя услышал. Но с другой стороны рвать вот так внезапно и без причины, ну совсем некрасиво будет с моей стороны. Всё-таки я по той улице хожу каждый день и что мне – Рожу ворочать без всяких объяснений? Давай будем считать, что ты дал мне комсомольское поручение – приглядеться к бывшему врагу. Я со своей стороны постараюсь потихоньку выпросить его о прошлом и о службе фашистам. А как только он, если заведёт какие-то гнилые политические разговоры, так я сразу куда надо доложу....

Ход оказался верным и Андрей моментально наполнился важностью: – Точно, Серёга. Давай-ка ты попытайся раскрутить его. Представляешь, если мы его разоблачим....? Я это в своём плане оформлю как поручение....

– Не..., не надо, Андрей. Пусть это будет пока нашим секретом. А вот когда разоблачим – вот тогда да... Но, пока молчок.

Одноклассник важно кивнул головой и вальяжно, вперевалку направился в класс, а я ему в спину, правда про себя, сказал: – Да пошёл ты на хер. Будешь мне тут диктовать – с кем и как дружить. Мне сейчас главное в комсомол вступить, а потом я тебя если что – просто pošлю.

Не знаю, откуда узнал о дружбе с бывшим полицаем отец или кто ему стукнул, но недели через две, вечером он задал вопрос: – Это правда, что ты дружишь с Сазоновым?

Молча кивнул головой, ожидая осуждающих слов, но отец снова спросил.

– Я, конечно, понял если бы ты подружился с нормальным молодым парнем, который старше тебя. А что тебя с ним связывает? И что это за дружба такая?

Я молчал, не зная как ему объяснить, долго и мучительно подбирал слова.

– Пап..., ну там всё нормально. Я книжки у него беру... Ты тоже их читаешь. В столярке у него он меня учит, как правильно строгать, пилить. Мне с ним интересно. Я его спрашивал про войну, он признался, что служил в полиции и сказал, что это для него очень тяжёлая тема и он искупил свою вину – вольную и невольную.... А что нельзя что ли с ним дружить? – Совсем уже потерянно спросил.

Отец устало улыбнулся и поерошил мои волосы: – Чёрт, служба..., засосала. Совсем с тобой мало общаюсь, вот тебя и потянуло к взрослому мужику. Да нет, можешь дружить, но между нами..., – отец значительно поднял указательный палец вверх, – я тут по своей линии пробил его. Действительно, служил у немцев в полиции с самого начала и пока не освободили их район. То ли сам сдался, то ли ещё что, тут непонятно, но под арестом он не был. Значит, крови на нём нет. Так..., только служба, хотя таких тогда сажали, расстреливали и не жалели. Отец его матерый белогвардеец и его старшие братья тоже. Так что, наверно, у меня есть повод сходить к нему и познакомиться....

Отец ходил и действительно познакомился и как это не удивительно, они даже подружались и частенько посиживали вечерами за рюмочкой, а я рядом, слушая их взрослые разговоры. В комсомол тоже вступил без трудностей. Одноклассник Андрей в это время безнадёжно влюбился в девчонку из параллельного класса и от безнадёги совершенно забыл о моей дружбе с бывшим полицаем, да и забросил свои комсомольские дела, за что его отстранили от комсомольской должности.

Время шло, закончил школу и в последний день перед уездом в училище пришёл прощаться с дядей Тимофеем и тётей Агашей. Уже стоя у калитки, после дружного чаепития, он положил обе руки на мои плечи, лёгонько встряхнул меня и, наклонившись к моему лицу, заглянул в глаза.

– Сергей, я вижу ты очень волнуешься и сомневаешься, что сможешь поступить в военное училище, тем более в московское и такое престижное. Знаешь, возраст и жизненный опыт дают возможность заглянуть в будущее. Например, твоё. Хочешь, я расскажу о твоём будущем? Так вот

Поступишь ты в своё училище и всё у тебя будет потом нормально...., – дальше он в течение десяти минут очень подробно расписал мою будущую жизнь вплоть до полковничьих погонов.

Я тогда это всё слушал в пол уха. Какие там полковничьи погоны!? Дай бог поступить.... А вспоминая сейчас, в который раз удивился – ведь он предугадал мою судьбу, вплоть до мелочей. Даже места и время службы и работу после увольнения в запас. Вот интересно – Как? К сожалению, это была последняя наша встреча.

Я ехал в свой первый курсантский отпуск, предвкушая, как буду дяде Тимофею и тёте Агаше рассказывать о своей новой интересной и насыщенной жизни, а приехал на похороны. Дядя Тимофей и тётя Агаша накануне моего приезда банально угорели, закрыв рано трубу и отравились угарным газом. На поминках дочь дяди Тимофея Дарья обняла меня и, заливаясь слезами, всхлипывая, произнесла: – Серёжа, очень они тебя ждали. Вообще, отец насчёт тебя какие-то планы строил.... Тут совсем недавно, выпил, размяк и обронил – Вот пройдёт лет десять, Сергей послужит, повзрослеет и тогда у нас с ним состоится очень серьёзный разговор. Очень много ему надо рассказать... Мама тогда фыркнула и говорит – Ты что, Тимоша, десять лет это рано. Вот даст бог нам здоровья, тогда лет через пятнадцать, двадцать, когда станет матёрым мужиком – тогда можно рассказать и подготовить его... Отец тогда помолчал – Да неплохо конечно, а вдруг что с нами случится и Серёга, как в ледяную прорубь ухнет. Предупредить его надо.... И вот такая нелепая смерть. Ведь им жить да жить. Крепкие и здоровые были...., – и Дарья ткнулась мокрым лицом в моё плечо.

– А насчёт чего они хотели предупредить? – Успокаивающе поглаживая её по волосам, спросил когда она перестала всхлипывать.

– Да не знаю, – Дарья отстранилась и платком стала вытирать глаза, а помолчав немного, продолжила, – знаю, что есть какая-то семейная тайна и связана она с войной. Больше ничего не знаю.

Не знал ничего и младший сын дяди Тимофея. Он был на сверхсрочной службе и долго добирался с Камчатки и мы встретились лишь в последний день моего отпуска. И вроде бы прошло уже почти пятьдесят лет. Похоронил отца, мать. Тоже горевал. Но вот всю свою жизнь ощущал некую связь с дядей Тимофеем и даже его давняя смерть не могла прервать эту незримую связь. И сказать, что я очень часто его вспоминал, было бы неправильно – я всегда помнил его.

Вот и сейчас.... Даже не понятно, с чего, так ярко вдруг вспомнился тот период жизни. А может быть он незримо мне всю жизнь как-то помогал с того света?

– Ну..., Серёга, сейчас додумаешься чёрте о чём? – Подколол я себя и печально вздохнул, – и всё-таки мне его всю жизнь не хватало. Отец – это отец, а вот душевно я мог поговорить именно с ним. И сейчас бы тоже неплохо было сесть за стол, налить в чашки крепкого чая и просто посидеть и неспешно разговаривать, как это было тогда....

Отец мой умер в начале нулевых и вот тогда, незадолго до своей смерти вспомнил прошлое: – Слушай, Сергей, совершенно из головы выпало. Помнишь, ты в детстве дружил с полицаем...? А потом я с ним сошёлся. Тимофей ведь его звали!? Памяти совсем не стало.... Так вот, два года назад ездил на лечение в наш ведомственный санаторий и случайно встретился там с давним своим товарищем. Вот ему то я тогда и отправил просьбу найти личное его дело в архивах. Но тогда, сам понимаешь, время такое было, всё было засекречено, по телефону особенно не поговоришь, поэтому он лишь в общих чертах мне информацию передал. А тут, сидели, немножко выпивали и он вспомнил ту давнишнюю мою просьбу. Личное дело Тимо-

фея... Чёрт, фамилию не помню.... Так вот оно состояло из двух частей. Секретная часть и общая. К секретной части, хоть тогда у него и должность и высокая в Москве была, у него допуска не было и естественно ему не дали почитать, а из общей он сумел выдернуть некоторые странности. Его когда в Белоруссии арестовали, как только их район освободили. Вернее, он сам сдался. Так вот его сразу отвезли в Москву. А потом его освободили и место своей ссылки он выбирал сам. Там в личном деле лежало собственноручное его заявление, что он просит направить его на место ссылки именно в наш посёлок, куда мы переехали..... ??????

...Из-за плавного поворота вывернула фура и коротко мигнула, предупреждая о засаде ГИБДДэшников. Я поднял руку в знак благодарности и в этот момент навстречу, из-за громадной машины, неожиданно выскочил чёрный джип.

– Чёртттттт...!!!! – Ни уйти в сторону, ни совершить манёвра ни у него, ни у меня времени уже не было. На какую-то долю секунды, перед встречным ударом, я встретил загнанный взгляд водителя джипа, ещё успел напрячь руки на руле и две машины, сминая капоты в беззвучной тишине, встретились лоб в лоб.....

Часть первая

Глава первая

Очнулся в темноте и практически сразу пришёл в себя, мгновенно вспомнив последний взгляд виновника аварии. Безуспешно тарашил в глубокую темноту глаза, пытаюсь понять – Где я и что со мной? То ли уже на том свете, то ли ещё на этом? Боли к удивлению никакой не было, а была только сильная слабость и ещё голова ощущалась чугуниной, как в известном анекдоте про Чапаева, здорово саднила и как-будто была сдавлена. Осторожно начал поднимать руку, ежесекундно ожидая оглушительную боль в поломанном теле, даже от такого лёгкого движения, но ничего не произошло. Лишь рука в конце ткнулась в шершавую марлевую повязку на голове, отчего там плеснулась боль совсем небольшой волной.

– Ага..., – обрадовался на мгновение, – раз перевязан, значит ещё на этом свете...

И тут же опечалился. Раз боли нет, значит весь переломан и заколотый «до безобразия» обезболивающим. В таком лобовом столкновении и подушки безопасности хрен помогут.

– И всё-таки – Где я? Если в больнице, то отчего так темно? И почему никакой аппаратуры нет? Вообще непонятно? – Тихонечко подвигал другой рукой – нормально. Обе руки целые.... А как там ноги? Чуть-чуть попытался шевельнуть левой ногой и к своей радости, нога с готовностью откликнулась. Правая тоже. И уже смело согнул в темноте ноги, чуть потянулся рукой и ощущал их. Они, к моей облегчающей радости, были целые и не перевязанные.

Вообще, тогда ничего не понятно. Понятно только одно – голова разбита, но судя по плотной повязке, перевязана умеючи.

– Ну что ж... Повезло. А вот второй точно влетел. Насколько помню, он по-моему и не пристёгнут был, ремня ни хрена не было видно. Значит на глушняк. И машинку жалко, я её только год назад купил. Чёрт, всё-таки надо бы разобраться – Где я? Попытаюсь сходить и найти дежурную медсестру и выясню – Что и как?

Почти сел на кровати и от такого смелого движения внутри черепа ошеломляюще всплеснулась огненной водой боль, рухнул обратно на спину, отчего в голове вообще что-то взорвалось мгновенной вспышкой и я благополучно занырнул в бессознательное состояние.

Очнулся во второй раз, как понял, через несколько часов, так как было уже светло. В небольшие окна заглядывали яркие солнечные лучи, которые наверняка на невидимом мне полу начертили чёткие квадраты от оконных переплётов. Но я смотрел только вперёд, боясь пошевелить головой, чтобы снова не обрушить на себя боль. А вот то что я видел перед собой, здорово озадачивало. Я находился не в больнице, а явно в деревенском доме. Слегка всё-таки повернул голову и оглядел помещение, насколько это было возможно из этого положения.

Точно деревня. И интерьер довольно просторной комнаты носил на себе отпечаток классической музейности и давности. Уж в этом, как коллекционер, я разбирался. Добротная деревянная мебель: крепкий комод, покрытый насыщенным тёмно-красным лаком. Кондовый, обитый чёрной железной лентой в ромбы, зелёный сундук, сверху которого лежало то ли пёстрый половик, то ли самодельное лоскутное одеяло. А сверху гордо стояла швейная машинка Зингер, накрытая белой кружевной вышивкой тряпочкой. В простенке между двух окон большое зеркало в деревянной раме, тоже тёмно-красного цвета, стол, накрытый пёстрой скатертью. В углу, который в деревне обычно называют – красным, под потолком, на аккуратной треугольной полочке две больших потемневших иконы с неизменной лампадкой. Тоже старой работы. Ещё один сундук. Да и сама деревянная кровать, была явно из старого, деревенского быта – мягкая, пушистая и вся в подушках разных размеров.

– Хммм... Вообще непонятно!?! Авария произошла в километрах десяти от ближайшего районного центра, а значит и районной больницы среднего уровня. И менты там за поворотом стояли. И дорога асфальтовая.... Ну..., уж не посередине ведь тайги это случилось, чтобы надо сначала дотащить безвольное и разбитое тело до ближайшей деревни по лесу, потом с трудом дозвониться до куда-то и ждать, когда прилетит санитарный вертолёт или прибудет транспорт!?

А тут, в нескольких километрах от районного центра и лежу в деревенской избе. Да ещё..., как бы не в местном музее. Да и по времени получается, что лежу тут уже около суток. Чёрт и никто ведь не подходит, да и пить хотелось не шуточно.....

За окном громко и голосисто, как в моём далёком детстве, закукарекал петух, невольно вызывая у меня мимолётную улыбку, послышались невнятные, явно мужские голоса, приближающиеся к дому.

Глухо хлопнула отдалённая дверь, послышались лёгкие, быстрые шаги, близко и негромко скрипнула дверь и в комнату тихо зашла привлекательная, молодая женщина. Вернее сказать, девушка-крестьянка из богатенькой семьи, заставив меня коротко и растерянно хохотнуть от переизбытка фольклорности данного места.

Девушка в изумлении, широко распахнула глаза. Резко развернувшись, всплеснув широкой юбкой и длинной, русой косой, с радостным криком выскочила в соседнюю комнату: – Мама, папа, он глаза открыл..., – и вновь ворвалась в комнату. Остановилась на мгновение в дверях и с радостным плачем кинулась через всю комнату ко мне. Мигом опустила на колени перед кроватью и ткнулась мокрым лицом в одеяло.

Я пребывал в величайшей растерянности, не зная как реагировать дальше, тем более что она мне кого-то напоминала и я её уже где-то видел. А за дверь послышались торопливые, тяжёлые шаги нескольких человек и в комнате первым появился высокий и крепкий мужик, с аккуратной бородой и обильной сединой на голове, живыми и умными глазами. Встретив мой взгляд, он широко и радостно улыбнулся и истово перекрестился, повернувшись к иконам: – Слава тебе хосподи. Не зря мы тебе молились. Благодарю тебя за сына....

Следом появилась женщина, скорее всего мать девушки и она тоже с радостным плачем кинулась к кровати. Сзади всех стоял высокий и статный, молодой мужик и довольно гудел: – Я же говорил, что раз дышит, значит выкарабкается. Молоток, братуха..., – махнул он мне рукой от порога и, не скрываясь, вытер повлажневшие от чувств глаза.

А я лежал на кровати, недоумённо лупал глазами, пытаясь въехать во весь этот спектакль, который разыгрывался вокруг меня. А играли они хорошо, искренне, отчего у меня мелькнула дикая мысль: – А не выкрали ли моё разбитое тело для достоверных натурных съёмок, и не попал ли я в кино, на съёмочную площадку, какого-нибудь молодого, чересчур продвинутого радикального режиссёра, снимающего элитарное кино, для таких же радикально ублюдочных зрителей, только делающих вид, что они понимают замысел вот этого таланта....

Но..., она только мелькнула, а пока лежал молча, лишь глупо улыбаясь и выжидая момента, чтобы задать разясняющий вопрос и получить такой же ответ, расставляющий всё по своим местам.

Я уж собирался задать этот вопрос, как меня опередил молодой мужик, жизнерадостно ощерившись в улыбке: – Да..., видать тебя хорошо приложило гранатой... Как хоть себя чувствуешь?

– Нормально, – ответил хрипло и нейтрально, озадачившись таким непонятным словом «граната», которая совсем не вписывалась в происходящее, – пить вот только хочу...

– Ой, сейчас..., – молодайка мигом вскочила с колен, рукавом резко стёрла слёзы и, мотнув длинной косой, молнией умчалась из комнаты, а её место тут же занял отец девушки и, похлопывая рукой по ноге, скрытой одеялом, довольно загудел.

– Ничего, сын, ничего... Это контузия. Главное очнулся...

А в комнату уже влетела девушка, неся в руках глиняный кувшин, где оказывается было холодное молоко, благотворно упавшее в желудок после нескольких крупных и жадных глотков.

– Ну..., как ты... Сынок...? – С материнской заботой произнесла женщина, которую девушка назвала мамой.

Я, после молока, полулежал заботливо подоткнутый со всех сторон подушками, потихоньку приходя в себя от растерянности: – Да сейчас лучше и голова меньше стала болеть. Видать хорошо я головой ударился при аварии. Что..., машина вдребезги? И тот второй, виновник, живой хоть?

Молодой мужик, который уже сидел на сундуке, весело и с готовностью рассмеялся: – Знатную мы аварию тебе устроили, чтоб освободить. А за остальных не беспокойся. Всех постреляли... А машина...!? Что её жалеть? Сгорела она...

Опять мелькнула мысль про кино и съёмки, но задать вопрос постеснялся. Ещё дебилом посчитают. Поэтому задал другой вопрос: – А что в больницу меня не отвезли?

– Нельзя было тебе в больницу. Первые два дня, что был без сознания, пришлось прятаться нам всем. А как большевиков отогнали, так сюда привезли и Сидор Ефграфович осмотрел тебя и сказал, что здесь ты быстрее в себя придёшь. Он после обеда обещал из городу подъехать и посмотреть тебя....

Я всё ждал, когда они всё-таки засмеются и всё разяснится. Ну, конечно..., потом подкалывать меня будут в полный рост и совсем не хотелось оказаться в плохом и глупом анекдоте, задавая вопросы про «гранату», «большевиков» и кого там они «всех постреляли». Но все продолжали добросовестно играть свои роли и я тоже промолчал, чтобы не проколоться, но всё чаще и чаще поглядывал на девушку. Она явно кого-то мне напоминала и я её точно где-то видел. Вот только в каком фильме? Сейчас вот вспомню и сам посмеюсь над ними.

Моё неопределённое состояние заметил отец девушки и решительно отошёл от кровати и стал командовать: – Все на выход. Дохтур сказал – ему нужен покой. Вот пусть с жёнушкой и помилуется. Быстрей на ноги встанет. Мать, Ефим, пошли, – мотнул отец головой на дверь.

Первым с сундука соскочил парень и, бесшабашно махнул рукой: – Давай, братуха, становись на ноги. Вечером Кондрат с городу приедет и посидим за столом. Отпразднуем, твоё выздоровление.

Потом, ласково теребя за плечо мать, отец повёл её тоже на выход и мы остались одни. Девушка сразу присела на кровать, взяла меня за руку и, ласково поглаживая её, с любовью смотрела на меня.

Мда..., так сыграть невозможно, так может смотреть только любящая женщина. Я лежал совершенно растерянный, не зная что мне говорить и как действовать в этой ситуации. Конечно, надо бы решительно встать, выйти в соседнюю комнату, задать вопросы.... Объясниться, что не на дурака напали и пусть меня везут в больницу. Где менты, в конце-концов,

которые должны мне задать кучу вопросов и вполне вероятно, сделать главным виновником аварии, несмотря на то что я ехал по своей полосе. Надо было действовать, но продолжал безвольно лежать. Хоть и чувствовал себя гораздо лучше чем ночью и, судя по всему, и болевые ощущения в голове стали глуше и менее болезненными, но вот слабость ещё была велика и вряд ли смог проявить хотя бы внешнюю решительность, я уж не говорю за действия.

– Что..., ещё плохо тебе, любимый...? – Проворковала девушка и, быстро нагнувшись, поцеловала в губы. Ничего, сейчас твоя любимая Агаша, быстро тебя на ноги поставит...

Мне аж поплохело от её слов, мгновенно вспомнив, где и когда я её видел и чтобы поставить окончательную точку, хриплым голосом попросил: – Зеркало мне..., зеркало мне давай...

Изумлённо преломив брови, Агаша послушно соскочила с кровати и принесла мне небольшое зеркало, достав его из верхнего ящика комода. Один взгляд туда и я едва не застонал вслух, сразу покрывшись обильным, липким потом, а увидев на моём лице болезненную гримасу, Агаша озабоченно захлопотала около меня, а потом стремительно выскочила из комнаты. А я впал в глубокий ступор, пытаюсь разобраться в происшедшем.

Как это могло вообще случиться? Одно дело лежать на удобном диване и читать для разгрузки мозгов лёгкое чтиво, прекрасно понимая, что это фантастика – красивое враньё. А другое дело самому, вопреки всем законам физики оказаться внутри этой фантастики. Снова поднял зеркало с одеяла и глянул в прозрачную глубину, где снова вместо себя увидел дядю Тимофея, только молодого.

Я закрыл глаза и в этой относительной темноте пришло ясное понимание случившегося: – Это бред разбитого напрочь человека, находящегося в коме... А в бреде всё возможно. Я вон после первой и второй Чечни, частенько ночами в атаки ходил, а потом просыпался мокрый от пота. Только жалко, конечно, что после такого реалистического бреда, наверняка из комы не выходят. А понесут меня на кладбище. Ну..., ну, когда-то это должно было случиться. Да и ухажу легко, и после меня, ни жене не детям никаких долгов не останется. Зато похоронят под гимн и под троекратный салют и будет стоять на моей могилке скромный мраморный памятник с красной звездой, означающей что здесь лежит командир... И такая яркая картинка этого нарисовалась в моём мозгу, что ощутил как из под закрытых век, скользнула слезинка и я потерялся в облегчающем небытие.

Очнулся от прохладного прикосновения влажной материи, ласково обтирающее моё лицо. Открыл глаза и уже застонал в слух, увидев испугавшуюся от моего стога Агашу.

– Тимоша, тебе больно?

– Есть немного, – пришлось слегка соврать, чтобы оправдать стон, хотя чувствовал себя почти нормально. Ну..., может быть, слабым и раздавленным от того, что всё-таки это не бред, который с такой точностью повторяется. А чтоб утвердиться в происходящем или наоборот, пошёл на хитрость.

– Головой я наверно, Агаша, сильно ударился. Ничего не помню. В туалет отведи меня...

– Куда...? – Удивлённо спросила девушка и пришлось срочно сманеврировать, понимая, что для неё это слово незнакомо, что неприятно подчеркнуло, хоть и косвенно – это не бред.

– В уборную..., только ты мне помоги подняться, – поспешно поправился и сразу стал подниматься, чтобы не дать Агаше удивляться и дальше услышанному странному слову. И та с готовностью подставила своё плечо. В постели я лежал в натальном белье, сразу вспомнив, что тогда трусы особо и не носили, так и пошёл, навалившись на неё.

– Чёрт, неужели это всё-таки правда...!?

И это действительно была правда. Из комнаты вышли в ещё большую комнату... А из неё вышли в сени и там, за дальней дверью и была обычная уборная, с дыркой, но чистая и что удивительно почти не пахло.

– Агаш, тут я сам..., – смущённо остановил её, когда она хотела зайти за мной и помочь справиться нужду, считая меня ещё слабым.

– Хорошо, хорошо... – легко согласилась она, – я за дверью постою.

Потом по моей просьбе она вывела меня на высокое крыльцо и, оглядев оттуда просторный двор, с крепкими хозяйственными постройками, высокую и густую берёзу в уютном углу, деревянный столик и скамейки, я вынужден был удручённо констатировать – я всё-таки попаланец. Осталось только выяснить – В какое время и куда?

Недолгая прогулка утомила меня и я попросил отвести обратно в комнату, где мгновенно вырубился, уйдя в оздоровляющий сон.

Проснулся уже под вечер. И подсудно всё-таки надеялся, пробудиться в своём времени. Пусть даже и поломанным в аварии. Но действительность разочаровала, я был в той же самой комнате, а из-за стенки доносились негромкие голоса, среди которых узнал голос отца дяди Тимофея. Хотя чего уж, если застрял здесь, то это теперь и мой отец, а Агаша моя жена. И всё вокруг меня – это та жизнь, в которую надо вписываться. Мне ещё повезло, в отличие от героев фантастики, попадавших в заброшенные или мёртвые миры. В одиночку и без ничего и приходилось им банально выживать в постоянной борьбе за свою жизнь. А тут – Бац... И ты в теле молодого мужика, в нормальной, состоятельной семье, судя по дому. Тебя тут любят и есть прекрасная возможность постепенно войти в эту жизнь. Тем более что и легенду никакую не надо придумывать – сильно ударился головой и ничего не помню. Так что...

Дальше продолжить не успел, в дверь заглянула Агаша, улыбнулась мне и исчезла, а в той комнате сразу зашумели стульями и моя комната быстро наполнилась людьми. Первым зашёл, как я мигом понял Сидор Ефграфович или дохтур, как его величал отец. Осанистый, старомодно одетый, довольно старый с характерным докторским пузатым саквояжем и сразу взявший инициативу в свои руки.

– Ну-с..., молодой человек, как себя чувствуем? – Обернулся к отцу и Агаше сзади себя, распорядился, – помогите ему сесть...

Но помощи я не ждал, а сам, хоть и не быстро, откинул одеяло и уверенно сел на кровати.

– Ну..., вот. Герой...!!! – Доктор осмотрелся кругом и поставил саквояж на витой венский стул и, чуть задрав рукава вверх, резко защёлкал пальцами перед моим лицом и одновременно водя ими перед глазами, внимательно наблюдая за моей реакцией.

Потом взял мою руку, сжал запястье и послушал пульс, довольно буркнув: – Нормально.... А сейчас мы посмотрим другое.

Открыл саквояж и достал блестящий никелированный молоточек с резиновой головкой, задрал рубаху и двумя резкими движениями, острым концом, провёл по животу и удовлетворённо отпустил подол рубахи.

– Что ж, Тимофей, повезло тебе.... Повезло, – и повернулся всем телом к отцу, – покой, Силантий Иванович, покой и недельки через две всё восстановиться. В том числе и память.

Снова повернулся ко мне: – Хоть что-нибудь вспомнил?

– Не..., пока ничего. А вот как вас зовут, помню – Сидор Ефграфович, – чем сразу восхитил дохтура.

– Молодец... Ну..., тут мне делать больше нечего. Перевязку сами сделаете, а я поехал. Денька через три загляну... Посмотрим. Да..., память тоже постепенно вернётся. Хотя тут может быть по-разному – может она проснётся завтра, а может через неделю... Или кусками. И разговаривайте с ним побольше, рассказывайте о прошлом, глядишь где-то и что-то в мозгу, за что-то зацепиться и тогда память может вернуться одномоментно.

Глава вторая

Через три Сидор Ефграфович провёл более углублённое исследование, насколько это было возможно в наших условиях. В конце обследования снял повязку с головы и осмотрел заживающую рану, пощупал по краям пальцами, а закончив, удовлетворённо отодвинулся от меня и вынес вердикт, сидящим в сторонке матери и отцу. И конечно мне.

– Что ж, Силантий Иванович и Клавдия Петровна, делать мне здесь больше нечего. Тимофей вполне здоров. Есть там свои ещё мелкие болячки, связанные с пребыванием в тюрьме, но не существенные и они скоро пройдут. А так, сейчас ему главное спокойная жизнь, питание, прогулки и это вы ему обеспечите, даже не сомневаюсь. Ну, а ты, казак, давай быстрее в строй вставай. Интересная жизнь начинается без Советов....

Эти три дня для меня тоже даром не прошли. Я окончательно пришёл в себя. Рана на голове подзажила, исчезли головные боли. И не подташнивало, как это бывает при контузии или сотрясение мозга, но я продолжал играть потерявшего память и больше помалкивал, когда вся семья собиралась под крышей и слушал остальных, пытаюсь из различных кусков разговоров и рассказов, собрать какую-то цельную часть прошлого. Осторожно расспрашивал жену, когда мы были одни. Отец довольно охотно пускался в воспоминания. Немало размышлял и над тем, а куда подевалась прежняя сущность самого Тимофея. Даже попытался покопаться внутри себя, мысленно. Но... , ничего. Ведь он же был, жил полноценной жизнью... Хоть какие-нибудь воспоминания или мысли ведь должны были остаться. Та же любовь с Агаше. Но нет, такое впечатление, что я попал в совершенно пустую голову. С другой стороны может быть это и к лучшему. Не надо бороться с прежним хозяином тела. Хотя, опять же из разговоров семьи уже составил своё мнение о Тимофее. Младший сын, 21 год. И как это бывает, младший самый любимый и опекаемый от трудностей и превратностей нелёгкой жизни на чужбине. Были в этой семье у Тимофея и два брата. Старший – Кондрат, 36 лет, степенный, осанистый, крупного телосложения, с такими же крупными чертами лица. Рассудительный и обстоятельный в своих суждениях, по житейски мудрый и крепкий хозяин. Жил на другом конце нашего небольшого хутора и хозяйство его было такое же, как и он сам – обстоятельное и добротное. Средний брат – Ефим, 30 лет, в определённой степени противоположность старшему. Высокий, худощавый, с быстрыми и живыми глазами, по жизни лёгкий и весёлый. И о жизни судил легко и быстро, но далеко не дурак. И иной раз за внешней легковесной личиной, проглядывался жестокий и бескомпромиссный характер. Но в кругу семьи, близких людей и друзей, он был душой компании. И всё его хозяйство, полностью тащила на себе его жена Глафира. Та ещё бабёнка, из настоящих казачек, боевая и если надо было, то запросто закрутит своего муженька. Но она чтит казачьи традиции, где муж был главным в семье и имел право заниматься, чем желал. Ну а она смотрела за хозяйством и тут тоже был порядок и зажиточность.

Самому отцу было 60 лет, родом из Кубанского казачьего войска. После действительной службы, которая закончилась в 1904 году, женился на молодой казачке Клавдии и через год появился первый сын Кондрат, в 1911 году на свет явился второй – Ефим. А в 1914 году Силантий ушёл воевать. Воевал во 2-й Кавказкой казачьей дивизии всю войну против Турции, а после революции вернулся к себе на Кубань, где впоследствии примкнул к белому движению. К 20 году, круговерть Гражданской войны закинула его сотню в Белоруссию, где они примкнули к отрядам известного белогвардейца Булак-Балаховича. Сумел там себя проявить, а в ходе боевых действий и еврейских погромов, приобрёл и неплохой капитал. Но в конце 20 года, армия генерал-майора Булак-Балаховича, была разгромлена Красной армией и сотня Силантия Ивановича, вместе с генералом сумели прорваться на территорию Польши, где они были интернированы и разоружены. Советская власть потребовала от поляков выдать Булак-Балаховича и его подручных. Польша отказалась и сама пригласила на службу в свою армию опытного и боевого генерала и дала ему в концессию лесоразработки в Беловежской пуще. Ну, и генерал не забыл своих подвижников, разрешив им селиться на выделенных там землях, где они обосновались несколькими хуторами. Часть казаков договорились между собой, сумели пробраться на территорию Советской России и вывезти с Кубани свои семьи в Польшу. На награбленные капиталы сумели отстроиться и организовать вполне зажиточную жизнь. Земля слухами полнилась и постепенно к осевшим казакам Булак-Балаховича, стали прибиваться и другие казаки и русские солдаты белой армии, оказавшиеся за границей и теперь хутора

разрослись. А вместе с осевшими русскими в небольшом городишке Стаховец, образовали крепкую русскую общину, с которой местные поляки вынуждены были считаться. А община продолжала расти и богатеть. Немаловажную роль тут играло и сотрудничество с польской контрразведкой Дефензивой, по заданию которой, казаки принимали участие во внезапных набегах на советскую территорию и благополучно уходили с богатой добычей обратно. Если отцы верно служили полякам, то вот сыновья старых казаков, особенно после присоединения Западной Белоруссии к России, быстро снюхались с немцами и также успешно устраивали диверсии уже на этой территории. Тем более что им несказанно повезло. Новая граница между бывшей Польшей и СССР установилась буквально в километре от их хутора. Поэтому немцы вполне успешно использовали знание местности молодого поколения казаков, для проникновения на территорию СССР.

Старший и средний братья были настоящими казаками – сильными, смелыми, умелыми и беспощадными к врагам, к которым они причисляли всех советских, пришедших на их территорию, и тех, кто на той стороне с радостью встретил их приход. Поэтому они принимали активное участие в борьбе с Советами. А вот Тимофей, которого как младшего больше всего опекали родители, да и более старшие и умелые братья, вырос тихим, более способным к учению и родители ему готовили другую жизненную стезю. Так он после окончания местной гимназии, оказался в техническом училище в Варшаве, где познавал машиностроение. Достаточно активная студенческая жизнь в большом городе, дала хороший толчок в его развитии, раздвинула горизонты, отчего хуторяне и его родные считали Тимофея городским, поэтому сейчас спокойно реагировали на странные и незнакомые словечки, списывая их на прошлую Варшавскую жизнь.

Окончив техническое училище, Тимофей вернулся домой и через некоторое время, буквально накануне войны немцев с Россией женился на Агаше, дочери близкого товарища отца, с которым они прошли первую мировую и Гражданскую войну, не раз выручая друг-друга. Они же вместе и вывезли свои семьи из советской России, вместе построились на хуторе и Тимофей с младых лет жил рядом и дружил с Агашей, что логично закончилось свадьбой.

Уже через три дня после свадьбы, поддавшись уговорам братьев и других молодых казаков, чтобы не выглядеть белой вороной среди хуторян, он в форме красноармейца, вместе с ними пересёк границу СССР для диверсий в ближайшем тылу Красной армии. Но был схвачен уже на следующий день пограничниками и отправлен в НКВД города Гродно. Наверно он бы так и сгинул в лагерях Сибири или был расстрелян в ходе поспешного отступления советской армии. Но, верный человек, волей судьбы оказавшийся причастным к органам НКВД, вовремя сообщил об этапировании Тимофея в Минск, для дальнейшей с ним работы и вечером 21 июня, в ходе засады и скоротечного боя на автомобильной дороге он был освобождён. Машина и конвой уничтожены, а Тимофей в бессознательном состоянии был утащен в лес. А ещё через несколько дней был доставлен на хутор.

Примерно такая общая информационная картина сложилась у меня за эти три дня. Хутор был достаточно большой, около семидесяти семейств, и все крепкие и многочисленные. Среди молодых казаков самыми авторитетными были мои братья Кондрат и Ефим, которые решили «ковать железо, пока оно горячо» – брать власть в свои руки. Заручившись документами от немцев, по заданию которых устраивали диверсии против советской власти, они приступили к организации полиции.

Причём, за заслуги перед Германией им предложили сформировать в районе помимо полиции и гражданскую администрацию, при немецкой комендатуре. И получилось очень удобно. Хутор находился на польской территории, а небольшой городок Стаховец, в четырёх километрах от границы, на советской территории, то есть бывшей до войны советской. Всего до хутора пять километров. И казаков в Стаховце очень хорошо знали, да и помнили по тем

недавним временам, когда кругом тут была Польша, поэтому местные охотно откликнулись на призывы поступить на службу к ним.

Я сам, за эти несколько дней, плавно влился в семью и в окружающую жизнь, сразу без всяких сантиментов и душевных переживаний, приняв необычность своего положения. Ясно поняв – прибыл сюда навсегда и обратной дороги нет. По характеру я был спокойным, общительным, отчего всегда быстро сходился с людьми. Так и здесь. Уже на второй день пропала определённая натужность в отношении к окружающим людям и спокойно принял свою новую родню. Хотя странно было совершенно незнакомых людей воспринимать – отцом, матерью, братьями. По сути дела, так как я имел советское воспитание, хорошо знал историю, они для меня должны были быть врагами. Но я их не мог так воспринимать. Да, они ненавидели советскую власть и у них были достаточно веские причины её ненавидеть. Достаточно вспомнить, как советская власть безжалостно выкорчёвывало само понятие Казачество, как рушила все устои их жизни, которыми они гордились. Да было в этой обоюдной борьбе достаточно негатива и жестокости, но по моим меркам той жизни, это было 100 лет тому назад и я сейчас, их прошлую жизнь и борьбу именно и воспринимал чисто психологически как столетней давности, совершенно не соотнося к настоящему. Когда прошло всего 20 лет и они это помнят, как вчера. Так что уже на второй день спокойно называл Силантия Ивановича и Клавдию Петровну – отцом и матерью. А уж с братьями сошёлся сразу. Отдельным вопросом была Агаша. Она мне нравилась, как молодая женщина и с интересом думал о ней, как о жене и о наших отношениях.

Глава третья

Незаметно пролетела неделя после последнего посещения доктора. И первые три дня со мной всегда была Агаша. Её специально освободили от всех домашних дел и теперь под умиленными взглядами матери и отца, мы с ней хороводились и миловались, беззаботно гуляя по окрестностям, по тем местам, где она до свадьбы встречалась и шалила с Тимофеем. И мне всё больше и больше нравилось её общество и она сама, тем более моя нынешняя жена была полностью в моём мужском вкусе. Красивая, молодая, озорная, когда нет бдительного ока родни, послушная и правильно воспитанная в казацких обычаях. И что не маловажно – не глупа. Да и что бы не нравиться. Я сам находился в эйфории. Ещё несколько дней тому назад, в той жизни, мне было 64 года. Да..., ещё не старый, но уже и не то. Как говорится в пословице – Старый конь борозды не портит, но и не глубоко пашет. Да..., ещё было полно энергии, но уставать стал быстрее, физически не те силы, очки периодически стал носить, с зубами определённые проблемы появились, память стала подводить и много чего другого грустного было, связанного с этим возрастом. Может для других, в том числе и для моей уже бывшей пассии, врачихи Елены Александровны, я ещё и был мужчиной в соку, но знал себя гораздо лучше, чем другие и ощущал все свои ещё маленькие негативы, более ярче и сильнее. Что уж говорить, ещё лет 10-12 тому назад, идя по улице, я хотел трахаться с каждой встречной женщиной. То в 64 года уже далеко не с каждой. И даже не всякий раз хотелось идти к Елене Александровне и заняться с ней сексом. Неохота. Но шёл и каждый раз приходилось доказывать уже самому себе, что ещё что-то там можешь. Мочь то мог, но и стояк уже был не такой мощный и кончал не так ярко. Всё катилось на закат....

А тут бац...!!! И у тебя впереди жизнь! И не какие-то 15 может быть и 20 лет печального и серого угасания, а целая яркая жизнь. Я то сейчас знаю, отчего и когда умерли Тимофей и Агаша в той жизни и ведь не повторяю эту ошибку и значит у меня впереди гораздо больше времени, наполненной жизнью и энергией. А самое главное – сейчас я молодой. Это всё равно что пересест со старого, убитого автомобиля, на новую, мощную машину следующего поколения. Где ты только обозначил нажатие ноги на педаль, а из двигателя уже моща прёт. Так и здесь – энергия и желания прямо прут из меня. Уже на вторую ночь Агаша легла спать со мной. Да я там... Я мгновенно забыл про контузию, про боли в голове, когда положил ладонь на упругую, молодую грудь и сжал её. А когда она сама встречно прижалась жарким телом

ко мне, всё во мне забурлило и, вскочив, задубело. А уж концовка была яркой, сочной, богатой на все краски вспышкой. И так чуть ли не половину ночи. Мне на следующее утро даже неудобно было смотреть на домочадцев и на следующую ночь Агаша постелила на сеновале, где уж мы не сдерживали себя. Так что, наши совместные прогулки проходили очень приятно. Гуляли, купались, занимались друг другом и снова купались, а вечером приходили домой усталые, счастливые и под весёлые шутки и подколки окружающих, с жадностью поглощали пищу. И ночью на сеновале вновь продолжались и кипели страсти.

Три дня пролетели мигом и теперь Агаша полностью погрузилась в домашнюю работу, помогая своей свекрови. А когда она пошла в немаленький огород за домом полоть грядки, я тоже пошёл, помочь ей и составить компанию, но отец, застав меня за этим занятием, не злобливо отругал. Типа: не казацкое это дело. Бабское...

– Да мне, батя, скучно... Давай тогда тебе помогу.

Отец, весело поблёскивая глазами, но ещё по инерции хмурия брови, заявил как отрезал: – Сынок, вот Сидор Ефграфович, сказал две недели покоя и отдыха, вот и отдыхай. А я ценю его советы. Очень грамотный дохтур. Из наших, из казаков и я с ним все войны прошёл. А потом найдём тебе дело. Скучно не будет..., а сейчас иди и чем-нибудь займись, – махнул он перед моим лицом полусогнутым указательным пальцем и ткнул в сторону двора.

Сделав слегка обидчивое лицо, легко подчинился, внутренне радуясь что теперь был предоставлен самому себе и наконец-то появилось время для того чтобы основательно подумать о своём положении и как жить дальше. Да и вообще – определиться с местом в этой жизни. Ведь война уже идёт две недели и фронт откатился, насколько я помню историю, к границе между Белоруссией и РСФСР.

Неспешно послонявшись минут десять по просторному двору, залитому солнцем, я зашёл в полутёмный и прохладный пристрой к большому амбару, где в порядке хранился мелкий хозяйственный инвентарь и из дальнего угла достал густо покрытый пылью и паутиной зелёный велосипед. Как весело вспоминала и рассказывала Агаша, его купили мне за год до поступления в техническое училище и я её катал по окрестностям. Велосипед пылился здесь уже несколько лет, братья к нему были равнодушны, а вот я решил привести его в порядок и покататься, раз мне дали возможность отдохнуть и заниматься чем хотел.

– Мда..., – я оглядел простенькое велосипедное чудо конца тридцатых годов, – это конечно, не современные... То есть из той жизни, но для приятных покатушек вполне потянет. Под заржавел конечно, но зато резина нормальная. Сейчас подтянем, помоем, смажем где надо, подкачаем и можно покататься. А заодно и подумать.

Через пять минут, поставив зелёный велосипед на руль и треугольное сиденье, принялся обслуживать двухколёсный агрегат, поглядывая через него на отца, запрягающего в пролётку молодого жеребца. Тот в свою очередь бросал довольные взгляды на меня, видя, что я занят, хотя бы и таким детским делом.

А ещё через час, с удовольствием катил по плотно укатанной грунтовке вдоль светлой, пронизанной солнечным светом берёзовой рощи, наслаждаясь неспешной ездой. Что ж теперь, когда ничто меня не отвлекало, можно и спокойно пораскинуть мозгами.

Начал с того – Что мы имеем на данный момент? А имеем мы Великую Отечественную войну. И сейчас нахожусь на территории врага, среди бывших белогвардейцев, их пособников и врагов советской власти. Именно советской власти, а не России. У них своя Россия и свои планы насчёт её будущего, у меня своя. И по идее мы должны быть по разные стороны баррикады. Но глядя на отца, братьев, сослуживших немцам хорошую службу, на казаков, которые здесь проживали и совсем не ощущал их врагами – это были нормальные русские люди. И немцев они приняли, только потому что надеялись с их помощью вернуться в ту Россию, которую помнили и за которую сражались в Гражданскую войну. И тут у меня есть два пути.

Либо стать на их сторону и быть с ними до конца, либо уйти или в партизаны, или дойти до фронта и перейти к своим.

Дорога тут немного шла в небольшую горочку и, усиленно покрутив педали, через две минуты остановился на самой высокой точке, откуда открывался неплохой вид на окрестности. Соскочил с велосипеда, прислонил его к берёзе и сел на нагретый солнцем небольшой серый валун, с удовольствием оглядывая открывшийся вид. В двух километрах, несколько ниже, за полем располагался наш хутор, откуда полчаса назад выехал, ещё дальше проглядывались дома Стаховца, куда на пролётке укатил отец.

Недолго полюбовавшись бездумно красивым видом, вновь вернулся к своим мыслям. Остаться с ними – было чревато мрачным будущим, так как прекрасно знал – когда и чем закончиться война. А чтобы уйти с немцами в 44 году в отступление, это значит и служить им придётся очень даже добросовестно, чтобы выправить у них документы и потом спокойно отступать. А если повезёт, то сдать американцам и перебраться в Америку. Но этот путь довольно опасен разными препятствиями и неожиданностями, когда в любой момент можно сложить голову, как от белорусских партизан, так и польских. Как там название у них было Армия Крайова и Людова? Хотя, зная что Тимофей и Агаша дожили до семидесятых годов, да ещё будучи полицаем, можно предположить, что всё в этом плане прошло нормально. И он не замарал себя кровью. Но опять же – я не знаю, как без ошибок прожить жизнь Тимофея, чтобы выжить и жить потом после войны. Ведь любое ошибочное решение, в любой ситуации, когда тот Тимофей принял бы другое решение, создаст развилку и моя жизнь, жизнь Агаши пойдёт совершенно по другому пути и вполне возможно приведёт к трагическому концу.

– Мда..., – сухая веточка в моих руках негромко треснула и я отбросил её в сторону, – по этому сценарию пробежался и пока остановимся. Теперь рассмотрим другой.

В той жизни я увлекался фантастикой и том числе интересным жанром – Попаданцы. И с увлечением читал, как они там лихо выкручивались из разных ситуаций. Используя свои чуть ли не энциклопедические знания по войне, уже на начальных этапах в корне её меняли и заворачивали орды врагов обратно на их территорию. И как всегда это были офигенно подготовленные спецы, мастера рукопашного боя, убивающие голыми руками противников, метатели ножей, непревзойдённые тактики. Уж про обширные знания послевоенной техники и технологий изготовления вооружения, я вообще не говорю. И вот они вполне благополучно и быстро вступают в контакт с Берия или Сталиным, легко доказывают, что они из будущего и перекраивают всю оборонную промышленность в несколько месяцев. При этом успевают давать очень «вумные» советы Жукову и генштабу. Учить и тыкать носом знаменитых конструкторов в явные ошибки, допущенные ими и опять же блистательно выигрывают войну.

Блин.... И ни в одной книжке, где герой попадает в мою шкуру. Да ещё когда я обычный офицер, рабочая армейская лошадка, обычные знания среднего человека, хоть и дослужился до полковника. И вроде бы неплохо знаю период Великой Отечественной войны, но если копнуть глубже, то знаю лишь крупные сражения. А в целом ситуация на войне создаётся из локальных небольших боёв. Ну и что, что прошёл Афган и две Чечни!? Так там были совершенно другие войны, поэтому в тех книжках, хоть они и легко читались, написана полная фуйня. А уж про технологии изготовления более современного вооружения, вообще ничего не знаю. Мне, когда служил в армии, артиллеристы рассказывали про 152 мм гаубицу Петрова, у которой был самый короткий период внедрения – от проекта до производства. Полтора года. И ничего там не изобретали. Просто взяли лафет от 122 мм гаубицы М-30 и на него поставили 152 мм гаубицу образца 1938 года и немного доработали. И это без изменения технологий производства и новых материалов.

Но всё равно можно и нужно рассмотреть этот вариант, чтобы прикинуть все плюсы и минусы. Но для этого придётся пройти всю Белоруссию, а это чуть ли не шестьсот километров. Это если я сейчас встану и прямо отсюда пойду на восток. И благополучно перейду линию

фронта. Перехожу и сразу попадаю под проверку особистов. Кто там, в той суматохе будет со мной разбираться и слушать бред про человека из будущего? Да как только я отвечу на первый же логичный вопрос о дате окончания войны... Да меня сразу там же и грохнут, за распускание панических слухов. Там ведь убеждают всех, что вот-вот подойдут резервы и мы погоним немцев обратно. А тут оказывается надо воевать целых 4 года. Даже бить не будут, а выведут и стрельнут. Опять же мне ведь придётся представиться. И кем тогда? Ладно, сразу не стрельнут, но когда узнают что я сын активного белогвардейца – итог будет тот же. Ближайшие кусты.

Ну..., ладно. Даже если взять самый оптимистический вариант. На подготовку к походу на восток мне нужно хотя бы недели две. Это ж не сложить в вещмешок несколько килограмм продуктов и на следующее утро двинуться в путь. А это удлинит мой путь на лишние 100-150 км.

Скрытно собрать продовольствие, поиметь хоть какое-то оружие, крепкая обувь и практичная одежда тоже не лишней будет. Документики какие-то хотя бы и простенькие не помешают и карта. Более менее подробная. Идти придётся лесами и малолюдными местами, скрытно и если за день буду проходить 20 км, то шестьсот километров пройду за 30 дней. Пусть с отдыхом будет 35 дней. Сразу перешёл линию фронта, попал к адекватному особисту. Но всё равно минимум неделя уйдёт на то чтобы мне поверили и отправили в Москву. И тут по фиг к кому – к Сталину, Берия, Жукову...!? Конец августа – начало сентября. Войска измотаны Смоленским сражением, частный успех по Ельней. Это для народа вещали тогда об огромном успехе по освобождению первого советского города и разгроме при этом целой немецкой группировки, а на самом деле не такая она уж и блистательная наступательная операция была и немцы, хоть и с трудом сумели выскользнуть из вполне вероятного окружения. Ну..., вывалю я информацию и ЧТО? Её ведь проверить надо, проанализировать. Опять время, резервов – кот заплакал. Ну..., даже поверят и начнут какие-то перестановки войск делать. Опять же частные, а не основательные, опять же из-за недостатков резервов. И всё повториться вновь.

Повториться и Харьковская трагедия, в результате чего немцы дойдут до Сталинграда и захватят Северный Кавказ. Потому что людей за один раз не переделать, особенно тех, кто тогда или уже сейчас стоят у руля и руководят огромными массами войск. Ведь проиграл Харьковское сражение или Вяземский котёл не простой солдат или ротный с командиром полка. Они-то как раз сделали всё, на что были способны и большинство из них заплатило за это своими жизнями. Проиграло высшее командование.

Это первая причина, по которой мне не хотелось реализовывать этот вариант с приходом к своим. Вторая, более весомая – я обладал очень опасными знаниями и взрывной информацией и уже дата Победы, да и сама Победа, была здесь совсем несущественной. Одно дело, если я прямиком и в режиме величайшей секретности попаду сразу к Сталину и выдам эту информацию о будущем. Только совсем дебилы могут думать и предполагать, что их наградят и позволят помогать усердно ковать Победу. Фиг вам. В лучшем случае посадят на какую-нибудь секретную дачу, под усиленный надзор и время от времени будут консультироваться. Там и закончу свою жизнь, когда актуальность во мне отпадёт. Припаяют клеймо врага народа, сделают немецким шпионом и благополучно выстрелят в затылок.

Если к Берии попаду, выпотрошат всю инфу на всех и на всё до доньшка, а потом процентиков на 85, грохнут как ненужного и очень опасного свидетеля.

Так что особых иллюзий насчёт своего будущего «у своих» я не питал.

Остаётся третий путь – организация партизанского движения. Но и здесь столько негативных моментов и препятствий... Что сто раз затылок почешешь, прежде чем приступишь к этому провальному проекту. Особенно в моём случае.

Я слез с нагретого солнцем валуна, с наслаждением потянулся молодым телом, ощущая каждой мышцей жизненную энергию, бурлившую во мне, и вдруг сильно и остро захотелось

близости с Агашей. Да так захотелось, что не раздумывая, вскочил на велик и уже через десять минут влетел во двор и как раз в тот момент, когда Агаша выходила с огорода.

Соскочил с велосипеда, бросив его под забор, подскочил к жене, обнял, закружил и потянул за руку на сеновал, где мы теперь ночевали.

– Тимоша, Тимоша..., ты чего? Мама ведь на огороде..., – слегка испуганно шептала мне в спину, но сама чуть ли не бежала за мной и с готовностью рухнула на постель, как только за нами захлопнулись ворота....

.... Как хорошо быть молодым. Я расслаблено лежал на спине, лениво наблюдая за танцем пылинок в ярком солнечном луче. На моём плече тихо посапывала Агаша, уснувшая прямо сразу после бурного секса, а я снова погрузился в свои размышления.

На дворе начало июля 41 года. Красная армия в приграничных сражениях разгромлена и беспорядочно огрызаясь, откатывается на восток. Местное население брошено на произвол, оно напугано и шокировано победами немцев и сейчас в основном заняло выжидательную позицию. И никто сейчас по доброй воле не пойдёт в лес воевать против победителей. Всё это начнётся только через год – в 42 году. И сейчас, просто бесполезно раскачивать эту лодку. Тем более здесь, на бывшей польской территории, которая под советской властью была всего два года. Тут до настоящего советского населения, до старой границы километров двести пятьдесят. Да меня сразу сдадут, как только начну тут всех шевелить.

Я вовремя сдержал тяжёлый вздох, чтобы ненароком не разбудить Агашу. Куда ни ткнишь везде какая-то засада. То есть придётся ждать целый год, потом где-нибудь в мае, двигать за старую границу и искать там партизан, чтобы влиться в их ряды. Да..., наверно так и надо поступить. Ладно, решаем следующим образом – выжидаю пару месяцев, собираю информацию и разживаюсь оружием. И потом принимаем адекватное решение.

Приняв такое половинчатое решение, которое на данный момент было самым правильным, я моментально успокоился и провалился в здоровый, молодой сон и не слышал, как тихо скрипнули ворота сеновала и туда заглянула мама. Поглядела на нас, перекрестила и осторожно закрыла за собой сеновал.

Глава четвёртая

Прошло даже больше чем две недели, отпущенные на восстановление здоровья. Я целыми днями откровенно бездельничал, наслаждаясь свободой, которой мне не хватало в той жизни. Иной раз, после обеда, мама отпускала со мной Агашу и мы убегали с ней на речку, где у нас было наше любимое место. Я накануне мариновал мясо, отец отливал мне поллитровочку весьма неплохого самогона. На речке разжигали костёр и наслаждались отдыхом – купались, сидели у костра, ели жаренное мясо, снова купались и грелись, но уже занимаясь любовью. Вечером возвращались домой усталые и счастливые, а глядя на нас мягчели лица отца с матерью и братьев, если они в это время заезжали к нам.

Кстати говоря, на сексе я и прокололся. В один из таких дней, прижавшись ко мне, когда мы лежали после очередных утех на горячем песку, Агаша приподнялась и, глядя мне в глаза, вдруг сказала.

– Знаешь, Тимоша, гляжу я на тебя и вроде бы ты вот тут мой, прежний Тимоша, но в кровати и сейчас ты ведёшь себя совсем не как мой тот Тимоша. Тот был другой – ласковый, робкий, – она тихо рассмеялась, – неумелый и не умел целоваться. И вообще, после тюрьмы и контузии, обликом вроде бы мой Тимоша и вроде как ты играешь в Тимошу, но очень часто в тебе прорывается другой человек – сильный, уверенный в себе... Как всё равно подменили тебя....

Она замолчала пристально глядя на меня, а я рывком приподнялся, опёрся на локти, чертыхнувшись про себя: – Чёрт, а ведь действительно. Можно играть роль контуженного, потерявшего память, а внутреннюю психологию, секс не подделать, не скопировать, особенно

перед любимой и любящей женщиной. Это прокол и серьёзный, – всё это пролетела внутри меня, а вслух довольно резко спросил.

– И что?

Агаша тихо засмеялась и пощекотала травинкой мои щёки: – А мне такой, какой ты сейчас гораздо больше нравишься. А как ты меня любишь, Ууууу... – и она, откинувшись на спину, так довольно замурчала, томно закрыв глаза, что во мне всё забурлило и я сильно прижал её к себе и губами нашёл горячие губы, чувствуя, как она ответно потянулась ко мне.

Усталые и умиротворённые от любовных утех, мы молча лежали, прижавшись друг к другу, потом повернулся к ней и спросил: – А что так заметны мои изменения?

Агаша в задумчивости сломала брови, помолчала немного: – Да все заметили, кто больше, кто меньше и обрадовались этому. Я тут слышала случайно, как Ефим отцу сказал – Нечего было ждать, когда с помощью красных это получилось. Давно надо было самим ему устроить встряску, чтобы мозги на место встали. Вот вернётся к нему память, совсем настоящим казаком станет...

Хотя и в этом проколе были свои плюсы и теперь все странности моих поступков можно смело списывать на контузию. Другое меня беспокоило и внутри себя побаивался, что это может затянуть меня. Умом понимал: вокруг нас, в половине мира шла жестокая мировая война и каждый день, в боях и сражениях, на море, суше и в воздухе гибли десятки тысяч человек, а я жил и наслаждался на этом благословенном пяточке земли полноценной жизнью и ни что не напоминало о войне. Немцев видел всего два раза. Дней десять назад, Кондрат и Ефим с согласия отца пригласили в гости коменданта города Стаховец и они приехали – комендант, пожилой и серьёзный гауптман, неплохо говорящий по-русски, его заместитель, совсем юный лейтенант, вообще не говорящий по-русски. И ещё один немец в чине майора, который скромно держался в тени коменданта и старался быть на втором плане, больше слушал, с любопытством наблюдая за присутствующими казаками. Говорил только по-немецки, но подозреваю, что он отлично знал русский. Как потом Кондрат рассказал, это был немец, руководящий перед войной диверсионными отрядами. В том числе группами Кондрата и Ефима.

– Разведка... – ещё тогда подумал я и как начитанный человек о немецкой разведке из прошлой жизни, прикинул про себя, – приглядывается, сволочь, на будущее, как нас потом использовать с большей пользой.

Сначала гости заехали к Кондрату, где был накрыт щедрый стол, которым приятно удивил гостей. Комендант поощрительно протянул – Ооооо... А юный лейтенант, не умеющий ещё контролировать свои эмоции, чуть ли не по щенячьи восторженно повизгивал. Ну и мы, вся родня и близкие к ней люди тут же присутствовали. Сели за стол. Отец, как самый старший, произнёс почтительно тост и с уважением первым чокнулся с капитаном, а потом с остальными немцами. Полчаса за столом и пошли показать хутор гостям. По пути зашли во двор Ефима, где стоял в тени такой же обильный стол. Присели на полчаса и пошли дальше. Следующий стол стоял уже у нас во дворе, где мы опять приземлились и здесь произошёл казус. Лейтенантик быстро набрался и отключился. Комендант недовольно поморщился и лейтенанта тут же подняли на руки и осторожно отнесли в дом на кровать. А вот комендант и майор держались молодцами. Да, выпили и от русского гостеприимства, выпили прилично, но и вели себя тоже прилично и культурно. Да..., дистанция конечно чувствовалась и это была положенная дистанция между строгим начальством и подчинённым. С их стороны совершенно отсутствовало высокомерие и никак не ощущалось, что они победители. Освободители – Да. По крайней мере для нас – для этих казаков, которые реально боролись с большевиками.

И всё-таки к концу прогулки по хутору, в ходе которой гости и мы зашли ещё в несколько дворов и присаживались за столы, комендант и майор были крепко вдатые и идти уже могли с трудом. Пригнали быстро в последний двор, где мы находились, их машину, бережно их туда загрузили. Лейтенанта, так и не проснувшегося положили на сено в повозку с колёсами на

резине, чтобы не растрясло и под почётным караулом из десяти казаков на конях, сопроводили обратно в город.

На следующий день, вечером пришёл к нам Ефим и рассказал, что гости остались очень довольные гостеванием и осталось отличное впечатление о самих казаках, пообещав всемерную помощь в организации полиции. Да и в других делах тоже. И у хуторских казаков тоже сложились хорошие впечатления о немцах.

А второй раз видел уже немецких солдат. Меня с собой позвал отец и мы поехали на городской рынок, где ему надо было прикупить разного товара. Вот там и увидел немецких солдат из комендантского взвода, которые без оружия и совершенно спокойно ходили по рынку, что-то покупали, весело общались с продавцами и вели совершенно не как победители. Правда, это были солдаты в возрасте, когда шалость молодости давно поутихла.

Наверно, поэтому эта психологическая несовместимость – война, идущая где-то далеко и мой отдых, совершенно не задевала меня. Хотя прекрасно видел, что и здесь, где не стреляли, никто не погибал и ещё не было репрессий, но люди жили в напряжении, с опаской ожидая, что им принесёт новая жизнь. Наверно не хватало некого толчка, который помог бы мне увидеть в немцах врагов, которых нужно безжалостно уничтожать. Да и в полициях, которые из-за ненависти ко всему советскому перешли на сторону врага. Хотя и тут сложностей было полно. Что такого могло случиться, чтобы отца, Силантия Ивановича, братьев Кондрата и Ефима, других казаков, которые окружали меня, я стал ненавидеть и решил их убивать. Ведь, несмотря на столь небольшое время, какое пробыл среди них, они мне стали близки.

Но в тоже время прекрасно понимал, что время безмятежности утекает и скоро меня поставят перед выбором. И скорее всего это случится сегодня. Последние недели братьев я видел лишь изредка. Они полностью погрузились в организацию полиции, налаживанием службы и сутками пропадали в Стаховце. Немцы сдержали своё слово. Как похвастал Кондрат, майор дал команду и выделили хорошую партию трофейного, советского оружия доставшееся немцам от разгромленных частей Красной армии в приграничье. А также выдали со складов, тоже трофейную, но польскую форму и теперь новоявленные полицейские щеголяли, в отличие от других районных полиций, как гордо и ревниво делился Кондрат, рассказывая, что те ходят в таком разное одежды, что иной раз и не понять кто перед тобой стоит – то ли полицейский, то ли вооружённый деревенский пастух. Но также надо было отдать должное и деловой хватке Кондрата и Ефима, с которой они вели все свои дела.

И саму полицию организовали по-умному. Власть взяли в свои руки в районе и казачьи хутора грамотно прикрыли. Костяк полиции составили хуторские казаки, командные должности тоже в большинстве заняли свои. Саму полицию братья разделили на две основные части. Городскую и хуторскую. Немецкому коменданту, который не доверял полякам, он лукаво объяснил такую организацию следующим образом. Для тех, кто в городе обосновались, зоной ответственности будет бывшая советская часть района, а хуторской опорный пункт, численностью в 30 отлично вооружённых полицейских, будет контролировать польскую территорию, которая от хутора на запад тянулась аж 30 км, а в случае необходимости каждая часть будет привлекаться для помощи другой. Так что Кондрат, который стал начальником районной полиции и Ефим, возглавивший хуторской опорный пункт, помимо всего надёжно прикрыли все казачьи хутора. И теперь полицаи и службу спокойно могли нести и хозяйством заниматься, что было немаловажным. Много пришлось помотаться и по округе, назначая старост селений, одновременно подбирая из местных полицаев, чтобы они уже несли службу у себя в деревне, помогая старостам. Это, как правило, три-четыре человека на каждое село.

Не упустили они из виду и гражданскую власть и вскоре в городе появился бургомистр, со своей администрацией, полностью лояльной моим братьям. А как быть не лояльным, если там на 80% были либо люди обязанные им, либо друзья-товарищи, а остальные 20% это необходимые в таком деле специалисты.

Отец тоже не отставал от сыновей, вставал спозаранку, запрягал пролётку и уезжал в город, а вечером возвращался, весьма довольный проведённым днём. Особо он своими делами там не делился туманно рассказывая о будущих перспективах, и в мои дела и гулянки не лез, лишь загадочно поглядывал глазами, когда поглядывал в мою сторону. Все дела по хозяйству на это время возложил на старого товарища и теперь седой казак, приходил утром к нам, солидно здоровался со мной и матерью, строил около амбара четверых подёнщиков из поляков соседнего села и нарезал им задачу.

И вот вчера, под вечер, вернулись вместе на хутор отец с Кондратом и Ефимом. Братья, не заезжая к нам разехали по своим домам, а отец за ужином объявил.

– Всё. Все дела с божьей помощью закончили, а теперь можно и отдохнуть. Завтра устраиваем сабантуй. Утром тебе, Клавдия Петровна, в помощь придут Глафира и Марья и накрываем стол. Давно мы не сидели семьёй.

Вот с утра и закрутилось. И не только у нас, а практически чуть ли не в каждом дворе. И готовилось не только на своих, но и на гостей. Так что гулянка намечалась обще хуторская и дня на три. Мужчины тоже не бездельничали, натаскали воды в баню, за скотом ухаживали и много чего другого нуждалось именно в мужских руках. К обеду женщины управились и чинно потянулись в баню, а потом помылись и мужики.

И сейчас мы вчетвером сидели в тенистом углу двора, чистые, разморённые. На небольшом деревянном столике стояли сто граммовые стаканчики мутно-зеленоватого цвета, простая закуска, литровая бутылка синеватого самогона с высоким и узким горлышком и мы уже опрокинули по стаканчику.

– Пашка, – позвал старшего сына Кондрат и когда тот подскочил к нему, приказал, – принеси сюда зелёную сумку, что принесли.

Четырнадцатилетний Пашка сорвался с места и нырнул в дом, а через пару минут принёс отцу сумку из плотного брезента. Сдвинув стаканы и закуску на край столика, Кондрат из сумки стал доставать небольшие полотняные свёртки, где по характерной конфигурации можно было запросто догадаться – там завернуто оружие.

– Батя, мы тут с Ефимом посоветывались и решили подарить тебе и Тимофею по пистолету. Долго думали какой тебе? Но подфартило и через коменданта достали тебе парабеллум, – Кондрат развернул чистую тряпицу и положил перед отцом пистолет, в коем я сразу признал Р38.

– Ух ты... – восхитился отец и взял в руки пистолет, – знатный подарок, только куда его мне? У меня ж винтовка есть....

– То винтовка, а это пистолет. Сунул в карман и ходи себе... И не видно и легко достать. Ну, а тебе, Тимофей, советский трофей. Держи, – и протянул мне другой свёрток.

Сдерживая радость, степенно развернул полотно и из него, тускло блеснув воронением, показался пистолет ТТ: – Оооо.... Ну, Кондрат...., ну, Ефим... Ну, спасибо....

Отец аж помолодел, любясь своим пистолетом, крутил в руках, передёргивал, щёлкал курком, не отставал и я от него, а дождавшись, когда мы наиграемся, Кондрат вытащил из брезентовой сумки два небольших, крепких мешочка: – А это вам патроны и по три обоймы. Так что, сейчас можно ещё по чуть-чуть выпить и пойти в овраг и пострелять немного...., – а передо мной и отцом положил две картонки светло-фиолетового цвета, сложенные в виде книжечки, пояснив.

– Это документы на ношение оружия и чтобы всё это было вообще по закону, вы, батя, и ты Тимофей, зачислены рядовыми полицейскими. Вас это ни к чему не обязывает, это лишь чтобы с оружием было всё в порядке. Да и паёк вам тоже не помешает. Пока так, а потом всех будем фотографировать и вас тоже. Ну, а теперь пойдёмте и постреляем.

Что мы с удовольствием и сделали, а настрелявшись, вернулись снова к нашему столику и, навернув по стаканчику, отец внимательно посмотрел на меня.

– Теперь, Тимофей, о тебе разговор пойдёт. Дохтур наш тут уехал по своим делам и будет только через две недели. Но мы и без него видим, что ты здоров и заскучал, так что пора тебя к делу приставлять. Братья твои всю власть в районе взяли в свои руки, теперь нам надо и наш тыл крепить, поэтому я не зря мотался каждый день в город. И собрали мы, с разрешения немецких властей, брошенную Советами по лесам технику, но её надо приводить в порядок. Часть уйдёт к полиции, а часть заберём себе в хозяйство. Нам машина грузовая и трактор совершенно не помешают, да и нашим хуторским кое что достанется. Так что будешь трудиться на нас и на общество. Ты ж в своём техническом училище машины изучал ведь...!? Вот и давай... Пора уже, Отдохнул.

Я действительно уже начал скучать, поэтому с охотой откликнулся на предложение отца, порадовав его желанием, прямо завтра и отправиться в районный центр, но отец охладил: – Вот хорошо отдохнём и за работу...

Чёрт. Отдыхали мы довольно бурно три дня и два приходили в себя. Как они так пьют, да мы, с той жизни, по сравнению с ними вообще пацаны....

Часть вторая

Глава первая

Бодро подпрыгивая на ухабах, глухо гремя деревянным кузовом и подымая лёгкую, светлую пыль, полупорка весело мчалась по лесной грунтовке. Мчалась, конечно, сильно сказано, но всё равно удовольствие от даже такой езды получал огромное.

Оказывается, братья когда мотались по району не только ставили полицию в сёлах, но и примечали, где и какая техника осталась или была брошена Красной армией. А потом, потихоньку, на лошадях, всё это стаскивалось в Стаховец, на территорию заброшенных по военному времени мастерских. Всего они стащили туда пять полупорок, одну двухтонку и два колёсных трактора середины 20х годов и один мощный тридцатых, где на капоте с двух сторон бронзовело название трактора – Сталинец.

И всё это богатство показали мне: – Что скажешь? – Подняв высоко брови, спросил отец.

Под ревнивым взглядом родственников, сюда прискакал и Кондрат, я не спеша обошёл технику, разглядывая железные жертвы войны и скептически похмыкивая, отчего они слегка помрачнели. Прострелянные кузова и кабины, сами машины, похилившиеся в разные стороны на пробитых и спущенных скатах, следы ржавчины, грязи, пыли, распахнутые фанерные двери... Печальное зрелище. Я молчал и своим молчанием всё больше вгонял в тоску отца и старшего брата, посчитавших сейчас напрасной тратой времени сбор этого автомобильного хлама, а также умершей надежды заиметь в своём хозяйстве такую нужную технику.

– Что, совсем что ли ничего нельзя сделать? – Уныло спросил Кондрат и отец молча поддержал его вопрос.

Выдержав томительную для них паузу, неожиданно широко улыбнулся, а потом весело рассмеялся: – Батя, Кондрат, да вы чего носы повесили? Всё сделаем, приведём в порядок, покрасим и ещё послужит нам верой и правдой, – и сгрёб их обоих в охапку. И те тоже облегчённо засмеялись шутиво ругая.

– Чертяка..., шалопай... Страху нагнал... Мы то ничего в технике не понимаем и уж подумали, что напрасный труд сделали.... Денег сколько ухлопали, чтобы только сюда притащить... Да ещё сторожей наняли за свой счёт, а то тут шарились разные. Так что давай, принимай под своё командование всё хозяйство, что тут здесь и работай. И думай что тебе надо.

Через несколько минут, успокоившись, я изложил им своё видение дальнейшего, широко обведя рукой вокруг себя: – Сегодня целый день уйдёт на ревизию всего, что тут находится и тщательный осмотр машин. Насчёт тракторов пока ничего не говорю, а машины восстановим. А вот эта...

Подвёл их крайней машине: – Она пойдёт на разборку. Вон, глядите..., – ткнул в небольшую круглую дырку на двигателе, – мотор прострелен. Пойдёт на запчасти для других. И начну....

Обошёл машины, следом послушно и заинтересовано шли отец с Кондратом и остановились около выбранной мною полуторки. Я хлопнул рукой по капоту: – Вот с неё и начну. Благо на ней все целые колёса, – подошёл к баку и постучал костяшкой пальца несколько раз, – и горючки полбака есть. Всё записываю и вечером скажу, что мне надо и сколько каких людей. Люди за вами...

Отец озабоченно глянул на Кондрата, а тот беззаботно махнул рукой: – За людей не беспокойся. Будут тебе люди. У нас ещё ведь машины есть. Правда, они стоят в тридцати верстах отсюда. Там целая машина с бочками и там горючка ещё есть. Как первую машину сделаешь, так сгоняем туда.

Кондрат с отцом побыли здесь ещё с полчаса, вместе обошли и бегло осмотрели мастерские, огороженные высоким забором, потом они ушли, а я остался со сторожем. Впрочем, тот сам минут через десять ушёл в свою будку у закрытых ворот. Я сначала решил вытащить всё ненужное из машин и до обеда осмотреть их, чтобы определить порядок работ. Залазил в кузов и всё выкидывал оттуда, сортируя и раскладывая перед машиной только нужные вещи, инструменты или запчасти. Всё остальное барахло безжалостно скидывал в одну кучу. Точно также прошмонал и кабины. Те оказались богаче на водительские инструменты и мелкие личные вещи пропавших водителей. Особенно понравилась найденная самодельная зажигалка из большого, латунного винтовочного патрона и действующая. Но самая ценная и неожиданная находка оказалась в кабине машины, которую определил под разборку. Глубоко сунул руку за водительское сидение, где всё пространство было забито тряпками, наверняка предназначенными для мытья автомобиля. Кстати, он оказался самым чистым и ухоженным из всех. И вот там, нащупал какой-то свёрток. Вытащил, развернул и радостно выдохнул – наган. Воровато огляделся, не видит ли меня сейчас тот же сторож? И успокоившись, стал разбираться с находкой. Наган ухоженный, смазанный, в барабане 7 патронов. Засунул ещё раз руку пошуровал там и стал выкидывать из-за спинки остальное тряпье и через минуту держал в руках тяжёленький кисет, где было ещё четырнадцать патронов к нагану. Отличная находка. Ещё раз оглядевшись, пошёл искать место, куда можно спрятать найденное. Вскоре такое место обнаружилось, ещё раз полюбовался и спрятал. Пусть у меня будет тайный, запасной ствол, а как машину первую налажу, сгоняю в лес и стрельну несколько раз, чтоб приноровиться.

Оставшееся время до вечера прошло у меня в ревизии самой мастерской, где нашлось много чего нужного для ремонта, в том числе и пара двухсот литровых бочек с бензином. Определился и с людьми и даже успел завести одну машину и тут же её заглушил. Рано ей ещё тарыхтеть. Вдруг там масло мало. Завтра всё остальное сделаю.

Вечером за мной заехал отец на пролётке и мы поехали в недалёкую полицию, которую я попросил показать. Крепкое одноэтажное здание на высоком фундаменте, построенное год назад советской властью под школу, просторное и высокое крыльцо с деревянным навесом, большой палисадник перед зданием с невысоким аккуратным заборчиком. Сзади обширный двор, а по противоположному краю двора стояла три новеньких двухквартирных дома для учителей, которые приехали из центральной России. С началом войны они эвакуироваться просто не успели. Стаховец был занят без боя, уже в первый же час, так их теперь оттуда выселили, а там расположили полицейские службы. Один дом отвели под тюрьму. Активно строилась конюшня и всё это пространство огораживалось высоким и крепким забором. Над этим трудились человек десять в красноармейской форме без ремней, под охраной одного полицая.

– А это кто такие? – Кивнул в ту сторону.

– Ааа..., пленные, – безразлично дёрнул головой Кондрат, проводивший экскурсию.

– Откуда они? Тут же боёв не было и красноармейцы, а не пограничники...

– Да это отделение сапёров. Они свои работы у пограничников на границе делали. Так отделением и попали к нам. Смирные...

Обойдя территорию полиции, мы пришли в кабинет Кондрата с простенькой обстановкой. Большой двух тумбовый стол, буквой Т приставлен стол поменьше. Четыре стула к нему и вдоль стенок десять разнокалиберных стульев. Внушительный железный сейф, наверно ещё с царских времён и явно оставшийся не от школы. Огромный дубовый шкаф, ещё пустой и большой поясной портрет Гитлера в фуражке на стене в профиль. Чёрт побери, хотя я уже и не только психологически слился с этим временем, но глядя на портрет Гитлера, вдруг показалось, что я внутри кино про войну и сейчас откроется дверь, засунется лохматая голова ассистента режиссёра и хриплым, недовольным голосом спросит: – Ну что, готовы?

Но ничего этого не произошло, вместо этого мы расселись за столом и я начал докладывать, что сделано за день и что мне ещё нужно. Естественно, про наган умолчал. Не хер им знать про ствол, не стал говорить, что завёл уже одну машину и может быть завтра после обеда сделаю контрольный пробег. Рано ещё. Озвучил, кто мне нужен из людей и сколько.

– Найдём..., – уверенно пообещал Кондрат, – но только послезавтра. Пока один поработай...

На следующий день я особо не заморачивался. Сразу проверил готовую машину, долил масла, бензина, в течение часа проверил весь крепёж, энергично крутанул пару раз кривым стартером и двигатель громко взревел. Молодец прежний водитель – хорошо следил и содержал машину. Мне только и осталось заскочить в кабину и утопить рычажок, прикрыв воздушную заслонку, отчего двигатель послушно и довольно заурчал, а ещё через пару минут стабильно и ровно работал, радуя мою душу и сердце. Не стал откладывать, как планировал вчера контрольный пробег на после обеда, сходил и достал из тайника наган и через открытые сторожем ворота выехал на узкую окраинную улицу. Не спеша проехал по ней, выскочил на поле и бодро почесал к близкой опушке леса. Занырнул в лес и помчался на максимальной скорости по укатанной лесной дороге. Конечно, слово «помчался» в данном случае было неуместным и по сравнению с машинами той жизни, мы просто тихо пилили на скорости 40 километров в час, но всё равно для меня сейчас это было наслаждением даже от такой езды и характерного звука двигателя с узнаваемыми нотками подвывания из далёкого детства.

Я уже проехал по лесу километров десять и стал поглядывать по сторонам, прикидывая, где можно было свернуть с дороги в лес, чтобы спокойно пострелять из нагана. Но своротка, так чтобы можно было завернуть туда на машине не было, зато далеко впереди замаячила встречная конная повозка. Снизил скорость, чтобы разминуться с телегой на неширокой дороге, а оттуда мне замахали рукой. Пришлось остановиться на самом краю, чтобы спокойно разъехаться. Но лошадь остановилась и с телеги соскочил мужик, в котором узнал одного из полицаяев. Тоже вылез из кабины и стал ждать, когда тот подойдёт ко мне.

– Оооо, – узнавюще и удивлённо воскликнул пожилой полицай, – здорово, Тимофей. А я то думаю, кто это пылит навстречу. Машины только у немцев, а тут оказывается свои... Машину что ли сделал?

– Здорово, Егор, – поздоровался в ответ и пожал ему руку, внутри поморщившись от неприятия слова «свои», тем более от него. С ним познакомился несколько дней назад, зашёл домой к Ефиму, а тут этот полицай приехал, привёз брату на новый опорный пункт имущества целую телегу. Ефим с ним стал решать свои дела, а я сидел рядом и просто наблюдал и мне он очень не понравился. Так-то вроде свой, русский, тоже из казаков и внешне всё нормально в нём было. Но..., мутный и склизкий какой-то..., внутри... Короче, не глянулся....

Но на вопрос нужно было отвечать, а если он мне не понравился, так что ли сквозь зубы с ним разговаривать? Поживём, поглядим, вот тогда и определимся, как с ним себя вести.

– Ну да... Вот, отремонтировал, – и с превосходством похлопал по двери кабины.

– Фартовые вы ребята, я смотрю, – с неприкрытой завистью протянул Егор, – хотя братья у тебя хваткие, в бату, ничего из своих рук не упустят. И ты тоже учёный... В Варшаве учился... В машинах понимаешь, не то что мы...

– А ты что тут делаешь сам? – Дежурно спросил полицай, хотя сам помнил, как он отпрашивался у Ефима на несколько дней. Ведь разговор надо было поддерживать.

– На побывке был, у брата, на несколько дней отпрашивался, чтобы ему помочь. Вот еду обратно, – словоохотливо рассыпался словами Егор и тут же спохватился, – да..., я чего тебя остановил!? У тебя огоньку не найдётся? А то я свой где-то обронил или у брата, а курить охота...

– Да счас, посмотрю..., – пообещал ему и полез в кабину, а тот помчался к телеге за кisetом. Я достал найденную зажигалку и пошёл следом.

– Держи..., – протянул Егору.

– Оооо..., занятная вещица, – завистливо восхитился полицай, вертя в заскорюзлых пальцах зажигалку, – вот богатым всё само в руки идёт. Ну, да ладно. Слухай, что хочу спросить тебя. Ты всё-таки лучше своих братьев знаешь – Как ты думаешь, дадут они мне награду?

Егор уже скрутил самокрутку и сосредоточенно прикуривал от зажигалки.

– Смотря за что, – дождался, когда он сделал первую затяжку и с наслаждением пыхнул сизым дымом.

– Вон оружия везу целый мешок, – хвастливо похлопал по мешку рукой, бугрившемуся острыми углами, а рядом с мешком лежала его винтовка.

Я сморщил лицо в недоумённой гримасе: – Не знаю. А что за оружие?

– Да пацаны с деревни брата, сбегали на разгромленную заставу пограничников и там в окопах накопили, а их староста словил, когда они патроны в костёр бросали...

– Ну..., раз из окопов, так оно ржавое и разбитое... Так что, Егор батькович, не видать тебе награды, – весело ухмыльнулся я, но мой собеседник совсем не расстроился, а наоборот, хитро прищурился, загадочно помотал перед моим лицом указательным пальцем и, понизив голос, заговорил.

– А вот тут, как раз и есть закавыка. Пацаны-то, накопили оружия разного в обрушенных окопах... Патроны там, даже три лимонки. Даже пулемёт... А когда он их словил, уши надрал, они признались, что всё отдали Сёмке... Он им сказал, где это оружие искать. Там..., местный пацан, только старше этих дурачков. Вот староста и пришёл к моему брату, зная что я к нему приехал и какая-никакая а всё-таки власть. Типа, идите обыск делать у Сёмки. Он, когда Советы в 39 году пришли, как бы активистом был на селе, а сейчас по притих. Так вот, пришли к этому Сёмке, ему шестнадцать годов, а оружие у него нету и в отказ пошёл... Мол я – не я... Пришлось более серьёзно его попытать – кулаком. Побили чуток, да больно, вот он и сознался. Оказывается, с той заставы к нему прибился раненый пограничник. Ноги ему перебило и Сёмка его нашёл в лесу и прятал, лечил и оружие отдал пограничнику. Вот и взяли мы и пограничника, и оружие. Тот его в порядок привёл. Так что оружие хорошее. Ещё нам в полиции пригодиться. Тут даже два автомата есть и патронов дюже много. – И полицай снова многозначительно похлопал по мешку.

– А пограничник где? Чего там оставил, а не в полицию везёшь? – Задал вопрос, а сам похолодел от возможного ответа.

Егор, непринуждённо сидя на телеге и слегка побалтывая ногами, громко хмыкнул, как бы удивляясь моему наивному вопросу: – А чего его везти!? Там и оставили его... В могилке. Родители очень за Сёмку просили, так бы и его там закопали. А так, лопату ему в зубы, прикладом по спине, он и могилку мигом выкопал, там стрельнули и закопали краснюка. А Сёмке сказали – Будешь ещё бузить против власти, вот также стрельнем и закопаем. – Всё это Егор рассказывал, с удовольствием посасывая сигарку и весело хихикая.

Меня чуть ли не затрясло от ненависти к этой сволочи и приходилось изо всех сил сдерживать себя, чтобы не выдать свои чувства. Одно дело убить в бою сильного, вооружённого врага и хвастать вот так потом перед другими, совсем другое просто «стрельнуть» раненого и беспомощного человека. И всё-таки приоткрылся, не сумев сохранить спокойный, безразличный тон разговора и мой вопрос прозвучал довольно агрессивно и нервно: – Так надо было везти его в полицию и здесь его допросить. А ты взял и стрельнул...

– От..., – с издёвкой протянул слегка удивлённый моей реакцией полицай, – вот сразу видно, что ты грамотей и там по Варшавам болтался. Не чета настоящим казакам, как твои братьовья и батька. Чего его везти!? Мне там дела с братом надо делать, а не валандаться с увечным. Да и ничего он и не знал. Прибыл на заставу за месяц до немцев. И нечего тут свои принципы выставлять. Мы тут с твоим батькой, Силантием Ивановичем, 20 годков тому назад столько краснопузых покروшили. А ты тут за одного... Давай вон лучше выпьем и мне веселей домой ехать и ты немного успокоишься. Знатный самогон Брат гонит... Пьётся легко...

Я и сам понял свою ошибку, поэтому раскаянно мотнул головой и примиряюще пробормотал: – Да..., чёрт побери, действительно..., что это я расклеился из-за красного. Ты доставай самогон и закусь, я сейчас кружку из кабины принесу...

– Во..., другое дело! А то – чёво не повёз? Давай тащи, а то без кружки неудобно пить...,

Пока шёл к машине, пока ковырялся в кабине, делая вид, что достаю кружку, которой у меня не было, в голове горячо пульсировала только одна мысль: – Валить эту суку надо... Кончать... Убил раненого и хвастается этим. Парню, этому Сёмке, жизнь сломал... Валить и Всё!

Достал из-под сиденья наган, откинул барабан и глянул на патроны, уютно сидящие в своих гнёздах и пожалел, что не взял ТТ: – А вдруг осечка? Я же с него ещё ни разу не стрелял. Ведь если что, с ним не справлюсь, слишком он здоровый и сильный. А..., на хер... Всё равно грохну.

– Ну, что ты там долго?

– Счас, иду..., – повернулся и пошёл, заведя правую руку за спину к телеге, где Егор, удобно устроившись, на тряпку, расстеленной на сене, выложил два крупных куска хлеба, зелёные и сочные стрелки лука, тряпицу с солью и чистил свежую луковицу. Мельком глянул на меня, скомандовал, ткнув ножом в сено.

– Там..., сало лежит..., отрежь два куска..., – и продолжил чистить крупную луковицу.

Я вытащил руку с наганом из-за спины, поднял её и взвёл курок. И вроде бы щёлкнуло не громко, тем более на лесной дороге, где всё вокруг нас было заполнено живыми звуками лесной жизни, но полицай услышал и мгновенно насторожившись, поднял голову, увидев чёрный зрачок ствола.

– Ты что это надумал? Брось, брось..., я сказал, не балуй..., – и по его глазам было видно, он понял свой конец. Напружился, готовясь уйти в прыжок из весьма неудобного положения, но сухо и совсем негромко, щёлкнул выстрел и полицай рухнул лицом в сено. Небольшая лошадка, до этого смиренно стоявшая на дороге, от неожиданного резкого звука дёрнулась вперёд, но я успел громко скомандовать ей: – Тпруу..., – и живо ухватил вожжи, сильно натянув их, и лошадь послушно остановилась, продолжив хлестать себя хвостом, отгоняя от круп мух. Держа ещё наготове револьвер, приложил пальцы к сонной артерии – Готов. Чуть приподнял потяжелевшее тело: – Ага..., в сердце попал...

Дальше действовал быстро, мельком глянул в мешок. Действительно, два ППШ с дисками. Отдельно, лежал мешок, по виду и прощупыванию – патроны. Два карабина, пулемёт Дегтярёва без диска и в самом низу три ребристые Ф-1 с чёрным блином диска к пулемёту. Прихватил винтовку убитого, подсумки с патронами и всё это забросил в кузов. Туда же положил и приличный кусок сала, килограмма два, завернутый в чистую тряпку. Потом, немного повозившись, расположил тело, бутылку самогона и тряпку с закуской в телеге так, чтобы у

всякого прохожего первая мысль была правильной – Напился мужик и спит теперь до дома счастливо.

Ещё раз огляделся на месте, не оставил ли какие следы, могущие указать на меня, хлопнул вожжами по крупу лошади, громко подав команду: – Нооооо..., пошла домой..., – и коняшка неспешно двинулась в сторону города. А я, наоборот, от города. Нужно было очень быстро найти надёжное место и спрятать оружие. Проехал вперёд метров пятьсот и резко свернул, на неожиданно показавшийся узкий прогал среди деревьев. Это была старая, заброшенная дорога. Хотя следы от телег и здесь присутствовали, но они были давние. Отъехав от грунтовки метров двести, чтобы машина не просматривалась с дороги, остановился и с минуту оглядывался. Вытащил из кузова тяжёлый мешок, пристроил поудобнее на плече и зашагал по дороге в глубь густого и, несмотря на солнечный день, сумрачного леса. Прошёл метров двести и решительно свернул и с этой, едва проглядывающей в высокой траве дороги в лес и пошёл в его глубину. Блуждал по окрестностям минут пятнадцать, пока не нашёл удобное укрытие для добычи. Высокая, стройная ёлка, с густыми ветвями, усыпанными мелкими зелёными иголками, опускающимися до самой земли, образовала под ними целый шатёр, где всё пространство покрыто толстым, рыжим слоем старых, прошлогодних иголок. Здесь было сухо и полутьма. Залезть туда можно с трудом, но зато всё спрятанное может здесь спокойно лежать долгое время. Вот туда всё и пристроил. Но прежде чем сложить, осмотрел. Спасибо неизвестному пограничнику, оружие он привёл в рабочий порядок. Два пистолета-пулемёта Шпагина с дисками, два карабина, три зелёные оборонительные гранаты. Пулемёт Дегтярёва, вроде в рабочем состоянии. К карабинам 118 патронов, к ППШ 248 штук, к пулемёту 111. Под ёлку положил и винтовку полицая с 40 патронами. Правда, винтовка была старая и расхлябанная. Туда же сунул и наган. Замаскировал следы своего пребывания и, убедившись, что никому в голову, случайно оказавшемуся здесь, не захочется проверить – что там лежит и ушёл к машине. Развернулся, проехав метров двести вперёд и, выехав на грунтовую дорогу, снова остановился, чтобы и здесь уничтожить следы, съезда машины в лес.

В город вернулся через час по другой дороге и сразу поехал к зданию полиции, где нашёл Кондрата. Там же был и Ефим.

– Здорово, – поприветствовал братьев и сразу выдал новость, обрадовавшую их – одну машину сделал и даже обкатал. Так что теперь её можно будет использовать по полной. Только водителя надо. – Это я сразу озадачил Кондрата.

Мы вышли к машине и я, крутанув заводную ручку, завёл автомобиль. На прогретый двигатель, он завёлся уже не с таким рёвом, как утром. Посадил их в кабину, сделав её сразу тесной, даже мне как водителю, и мы лихо промчались по городу, а через полчаса весёлого катания снова вернулись к полиции.

– Ну что, Кондрат, если у тебя завтра нет каких-либо срочных дел, то давай проскочим в деревню, где у тебя ещё машины есть с имуществом. Может там что найдётся для ремонта остальных?

– Согласен. Ефим, завтра старший по полиции, – распорядился старший брат и Ефим заулыбался, присовокупив своё, – вот уж завтра я покомандую в свою сторону...

– Но, но..., – шутливо погрозил ему в ответ Кондрат, – ты мне только полицию не оставь пустой. А то я тебя знаю... Всё в свой опорный пункт уволокёшь...

В такой шутливой пикировке прошло несколько минут и, успокоившись, перешли к деловому обсуждению завтрашней поездки и тут нас бесцеремонно прервали.

– Господин начальник полиции, – свежепокрашенная дверь резко открылась и в кабинет, где мы сидели, влетел взбудораженный дежурный полицай, – там лошадь пришла и привезла убитого Дымкова...

– Как убитого? – Вызверился Кондрат на дежурного, а у меня ёкнуло сердце. Я то думал, что лошадь домой его привезёт, а она к полиции.

– Там..., привезла..., лежит в телеге..., – растерянно произнёс полицай, и посторонился в сторону, пропуская мимо себя начальство, ринувшееся на выход. Следом вышел и я. У центрального входа стояла знакомая телега, вокруг толпились полицайи, молча разглядывая лежащее тело, и мигом расступились, при появлении начальника полиции и его заместителя. Видать на бульжной мостовой города убитого растрясло и теперь он лежал несколько по-другому, являя всем небольшое пятно крови на ране.

При полном молчании, Кондрат и Ефим осмотрели труп, расшевелили сено, оглядывая, что там есть. Затем Кондрат повернулся, нашёл глазами командира Дымкова и спросил – С оружием уходил на побывку убитый или сдал в пирамиду?

– С оружием, Кондрат Силантьевич... Чай полицейский и в дорогу дальнюю собирался. Как тут без оружия?

После чего распорядился отвести телегу с убитым семье и позаботиться о его похоронах. Мы снова оказались в кабинете Кондрата и тут я сильно удивил братьев своим заявлением: – У него в телеге ещё мешок с оружием был... Не стал при всех говорить, но я видел его на дороге два часа тому назад живым. Видать, после меня его и стрельнули..., – и спокойно посмотрел на обалдевших братьев.

Спустя несколько секунд, братья переглянулись и Ефим прямо спросил меня: – Тимофей, а может ты его убил? Я ж видел тогда, он тебе не понравился... Честно сказать, он и мне не нравился, но как казак он был хороший и не раз доказывал это...

– Да ты что, Ефим, Кондрат...!? Да на хер он мне нужен. – Взвился я тут же в возмущении, откинувшись на спинку стула, – ну..., не нравился он мне... Согласен... И что, за это убивать? Тем более, я его видел всего два раза.... У тебя во дворе и два часа тому назад, когда он от брата ехал сюда.

– А ты откуда знаешь, что он от брата ехал? – Тут же спросил Кондрат.

– Так он при мне с Ефимом договаривался, да и я с ним на дороге немного разговаривал. Всё хотел меня самогонкой брата угостить, да я не стал... Да вы что!? Мне не нравился он, тебе, Ефим, тоже. Значит и другим не нравился, а кому-то может ещё перешёл дорогу.... Вот и подстерегли на дороге....

– Ладно, не кипятись, – резко оборвал меня Кондрат, когда в своём возмущении я возвысил голос, – тут человека убили и не просто человека, а представителя власти. И не важно сейчас – нравился он кому-то или нет, убийцу надо найти. Разобраться – Кто, где, когда? И наказать прилюдно, чтобы знали – кто тут хозяин. Кстати, а где ты с ним встретился?

– Так я машину отремонтировал и поехал проверять на ходу. Вот в лесу, на дороге и встретил. На дороге в сторону Дедовки, а где точно, рассказать не смогу. Показать – да. – Замолчал, видя, что сумел немного убедить братьев в своей невиновности, поэтому взял инициативу на себя, предложив: – Так поехали на машине – покажу. Тут езды то полчаса.

– А что!? – Оживился Ефим, – поехали. Оглядимся там.... Только предлагаю ехать втроём и пока никому и ничего не говорим.

Всю дорогу до места, мы проехали молча и лишь там я стал подробно рассказывать и показывать на наши следы, которые чётко проглядывались на дороге: – А потом я поехал..., – закончил свой рассказ и махнул рукой в сторону, куда поехал, понимая, что мой рассказ не сумел развеять их подозрения до конца.

Братья немного походили, поглядели по сторонам, потом махнули мне рукой и пошли каждый по своей стороне дороги в сторону города, пристально вглядываясь в придорожные кусты и деревья, пытаясь найти следы несуществующей засады. Несколько раз они сходили с грунтовок к лесу и осматривали кусты, подходившие вплотную к обочинам. Осматривали и вновь шли дальше. Я же кое-как развернулся на узкой лесной дороге и медленно поехал за ними.

В конце-концов они прекратили поиски, остановились на середине проезжей части, закурили, поджидая меня:

– Где твой пистолет? – Хмуро задал мне вопрос в лоб Ефим, когда я подошёл к ним.

– Дома, в коробке лежит...., – с вызовом ответил, давая понять, что со своей стороны возмущён вообще такой постановкой вопроса, но вынужден терпеть.

– Как дома? – Вызверился Кондрат, а Ефим с досадой плюнул в дорожную пыль, поддерживая возмущение брата, – поехал и без оружия....!?

– Как..., как..?? – В свою очередь громко выразил неприятие их возмущения и раздражение, от вроде бы простых вещей, – не беру и всё. Вначале взял, сунул в карман – штаны слезают. Положил в карман пиджака – пиджак некрасиво отвис и на бок перекосялся. Сунул за брючной ремень, на живот давит, за спину – больно трёт и в жопу стволом утыкается. Не хватало, чтоб к контузии ещё и задницу прострелить. Вот и не беру больше...

Ефим от мой отповеди мелко-мелко засмеялся, сдавлено проговорив сквозь смех: – Ну..., ты и фокусник...

– Дурак...!!! – Сочно добавил Кондрат своё резюме, – тут башку можно потерять, а он о заднице беспокоиться.

Я тоже коротко хохотнул, а через минуту молчаливого и сосредоточенного перекура, Кондрат, как старший озвучил решение: – Ладно, закрываем этот вопрос. Завтра с поездкой ничего не получится. Послезавтра поедем. А это дело отдадим следователю. Вот как раз пусть и покажет, чему его советская милиция научила.

Глава вторая

Всё-таки хорошо, когда ты молодой, полный сил и энергии. И ты можешь авторитетно, сам пройдя через этап взросления, а потом постепенного старения в той жизни, сравнивать и радоваться, вновь обретённой молодости. В той своей жизни, когда был молодым лейтенантом, да после училища... Я тогда попал служить в город-миллионник. Весь день на занятиях, бегаешь по учебным полям со взводом как лось, а вечером в ресторан или на танцы с такими же лихими лейтенантами. Конечно, выпьешь... Да иной раз и крепко, познакомишься с девачьей и всю ночь с ней либо гуляешь, либо трахаешь её. И что было поразительно – все девки, с кем знакомился и тусовался, были прямо на противоположной стороне города от военного городка. Нет..., чтоб около или рядом с городком. Так что рано утром надо через весь город шуровать в полк к восьми часам. Отстоишь развод и снова на занятия, после обеда немного в общаге поспишь, а вечером опять на блядки... И ведь не уставал. А вот в последние годы и любовницы были рядом с домом и ещё подумаешь – а стоит ли идти к ней? Да и что-то не хочется... И не идёшь.

Вот и сейчас. Ночь прошла в суете, полчаса как рассвело. Прошедший день был трудный, ночь вот тоже.... А ничего, даже никакой усталости нет. Одно лишь удовлетворение от спонтанно выполненного дела. Но..., теперь самое главное незаметно вернуться в свой лагерь и уже с чистой совестью, можно будет и поспать пару часиков, а то и больше.

Ещё раз обошёл замаскированную легковую машину и постарался критически осмотреть взглядом постороннего путника, случайно забредшего в эту чащу леса. Да ничего вроде бы. Вот здесь только подправить, и сюда ещё одну густую веточку и немецкий штабной автомобиль, доставшийся мне в качестве трофея, совсем будет не заметен. По крайней мере, пару суток точно, а потом ветки завянут и издали выдадут спрятанное. Ничего, за эти пару суток что-нибудь придумаю и перепрячу. Повернулся к старой и корявой берёзе, посмотрел задумчиво на висевший на сучке немецкий автомат, покривился недовольно лицом, понимая, что поступаю неправильно, но снял его с дерева и закинул на плечо. Ну..., нравиться он мне. Днём, когда в лагере буду один, повожусь с ним, наиграюсь... А потом решу как с ним быть и куда прятать.

Помимо автомобиля, автомата, двух пистолетов, в багажнике лежали шесть гранат с деревянными ручками и достаточно патронов к автомату. Пара канистр с бензином. Было много

и других ценных вещей. Но, самое главное – несколько отличных военных карт. Правда, они почти чистые и крупного масштаба, километровки. Только по-военному тщательно был отмечен маршрут движения убитых мною немцев. Выехали они из Кракова и направлялись в район Пскова. Но это даже к лучшему. Не «местные», а проезжающие и их не сразу хватятся. Пока раскачается даже отлично налаженная немецкая машина в поиске пропавших, пройдёт минимум недели две. И судя по нескольким чемоданам, ехали к новому месту службы. Явно штабные. Строевые командиры на таких машинах не ездят. Тем более, в машине ещё были два портфеля с документами, но немецкий язык знал не очень, поэтому даже читать не стал, только быстренько просмотрел и сложил всё обратно.

Наткнулся на них случайно и на второй день своего шатанья, если это громко назвать – разведкой. Тихо крался вдоль приличной, гравийной дороги, идущей с Польши на восток, на которой было довольно бойкое движение.

В первый день, я только вышел к дороге и два часа смиренно лежал в густых и запылённых кустах у самой дороги, приглядываясь к дорожной обстановке и прикидывая, что из этого может получиться. Основной поток немецких войск схлынул на вторую неделю войны и сейчас здесь лишь периодически проносились небольшие колонны автомобилей и тянулись длинные обозы. Гоняли одинокие мотоциклисты, мелькали легковые автомобили, опасно кралась на своих скрипучих телегах местные, из деревень, стоявших на дороге. Понаблюдав, ушёл в глубь леса, сел на мотоцикл и поехал немного по лесным дорогам, знакомясь с окрестностями.

На следующий день уже решил пройти вдоль гравийки и посмотреть – А что там? Особо меня интересовали телефонные столбы и провода на них. Надо присмотреть удобное место, чтобы оборвать провода и дожидаться, когда к месту обрыва придут связисты и по возможности атаковать их. Вот тут, двигаясь в пятидесяти метрах от дороги, и уткнулся в немцев. Сначала услышал громкие голоса, причём явно пьяные, а ещё через несколько минут разглядывал из глубины обширных кустов беззаботный пикник. Наверняка, когда-то в этом месте добывали щебёнку, которая уходила на ремонт дороги, а сейчас на месте небольшого карьера, надёжно закрытого от дороги полосой придорожных деревьев, образовался красивый водоём с чистой водой, с узкой полосой щебёночного бережка вокруг него и густой зелёной травой под деревьями, где живописно и непринуждённо расположились немцы на привале. В тени стоял аккуратный столик, два складных стула, с накинутыми на спинки кителями и ремнями с чёрными кобурами пистолетов, два немца в белых нательных рубашках с зелёными подтяжками, вольготно сидящие за столиком и что-то там вкушающие... Ну..., и естественно, непринуждённо выпивающие. Легковой автомобиль с откинутым верхом, вроде бы и гражданская модель, если бы не была покрашена в невыразительный болотно-зелёный цвет. И водитель, рядом с машиной. Немецкий солдат, сидел тоже на складном сиденье и тоже что-то там кушал, периодически поглядывая на начальство. А поддатое начальство веселилось и было в том состоянии, когда нужно ещё какое-то развлечение. Вот прямо сейчас...

Это был очень удобный момент и тут мог сработать самый простой планчик. Противник находился в сильно расслабленном состоянии, чувствовал себя в безопасности, воспринимая данную обстановку как маленькое весёлое, дорожное приключение и совершенно не ожидал нападения. Единственно, кто представлял опасность – это трезвый водитель и судя по некоторым внешним признакам – бывалый солдат. Тем более я не видел со своего места его оружия. Сидел он ко мне немного боком, рядом с машиной и если дать ему несколько секунд форы, если сразу его не убью, мог запросто, одним движением укрыться за автомобилем и дотянуться до оружия, которое вполне ожидаемо могло лежать внутри машины. А мне тут затажного боя и громкой стрельбы, совершенно не надо было. Я должен просто их уничтожить несколькими выстрелами. Главное, улучшить момент, быстро и незаметно пройти хотя бы метров пятнадцать открытого пространства, чтобы уверенно сблизиться с ними и открыть огонь на поражение.

Медленно вытянул из-за пояса ГТ, тихо передёрнул затвор, загоняя патрон в ствол и замер, выжидая удобный момент, который представился буквально через несколько секунд.

– Гюнтер..., Гюнтер..., – требовательно закричали и призывно замахали от столика и водитель резко подскочил со своего стульчика, послушно порывсив в сторону веселящихся офицеров. Меня как в спину толкнули, тут же вышел из кустов и скорым шагом, пока на меня не обратили внимание, направился в сторону немцев. Всё сложилось даже удачнее, чем предполагал. Меня не видели до самого последнего момента, что позволило незаметно приблизиться почти вплотную. Притом, что водитель заслонял меня от офицеров. Поднял пистолет, прицелился и выстрелил в обтянутую серым, суконным мундиром спину. Водитель, как стоял, наклонившись к столу, так на него и рухнул, заставив немцев отпрянуть от падающего стола. А следующими двумя выстрелами, завалил и их. Правда, один продолжал шевелиться на траве и, зажавшись от предстоящего, преодолев самого себя, выстрелил с двух шагов тому в голову. Проверил водителя, и третьего немца, но добивать не пришлось. И., слава богу. Они были мертвы.

Следующие десять минут прошли в быстрой суете. Сначала сбегал к узкому выезду к дороге и огляделся. Нормально. Вернулся к водоёму, бегло осмотрел машину, ещё раз убедившись в своём мнении об опытности водителя. Его автомат лежал на водительском сиденье и если что-то пошло не так, водитель с автоматом стал бы решающим фактором в этом противостоянии. С третьей попытке завёл машину. А уж как на ней ехать, проблем совсем не ожидал. А вот потом пришлось изрядно попотеть. Застелил заднее сиденье куском тонкого и чистого брезента, потом с большим трудом загрузил туда три тела, остатки пиршества. Одел на себя китель одного из офицеров, на голову водрузил фуражку, сел за руль и тихо тронулся с места. Причём, легко тронулся и машина послушно повиновалась моим действиям. У выезда на дорогу остановился на несколько секунд, прислушался и, не услышав никаких подозрительных звуков, резво вырулил на гравийку, сразу рванув к разведанному вчера съезду в лес. Свернул туда вовремя, так как из-за ближайшего поворота на дорогу, выехали три грузовых машины, сопровождаемые двумя мотоциклами с колясками и пулемётами. Проехав по лесной дороге с километр, свернул где нужно и загнал машину в густые кусты. И только тут, сначала перематерился, а потом облегчённо вздохнул. Если бы я уткнулся в эту колонну, то моя маскировка с кителем и фуражкой ни черта бы не сработала. Я просто банально забыл закрыть тела, которые нагло торчали задницами над бортами машины. Ну, ладно. Вот от них и пришлось в первую очередь избавиться. Раздел до нательного белья. Тут же в чаще, в быстром темпе, вырыл небольшую яму. Благо почва попалась мягкая, забросал тела землёй тонким слоем. Ещё минут двадцать потратил на лёгкую маскировку и быстрым темпом помчался к месту, где оставил свой мотоцикл. Нужно срочно было возвращаться в лагерь, чтобы не спалиться своим отсутствием. Но и тут повезло. Меня никто не проверял и остаток дня провёл за ремонтом других машин, изображая кипучую деятельность.

А вечером, для охраны лагеря ночью, заявился полицай, младший сын старосты и мой одноклассник Пётр. На его хмуром лице прямо читалось нежелание нести ночную службу, что косвенно подтвердилось тяжёлым вздохом, с которым он опустил на обрубок бревна, рядом с машиной.

– Ну, чё...!? Можешь шагать до хаты..., вечерять тебя ждут..., – недовольно буркнул молодой полицай, тупо глядя, как я закручивал свечу.

Ничего не ответив, докрутил свечу, протёр тряпкой головку двигателя, потом руки и, глядя на Петра, задумчиво проговорил, как бы рассуждая: – Знаешь, что тут надумал днём? Лучше побольше поработаю, пока светло и погода хорошая и раньше домой отсюда уеду... Да и тут заночую... Чего ходить буду туда-сюда...!?

– Хм..., – Пётр уже заинтересованно и выжидающе посмотрел на меня, а я добавил парня, – слушай. Сгоняй домой. Принеси покушать. Тут тебе ходьбы на час и иди к своей зазнобе до утра. Я тут всё равно до темноты работать буду...

– Ууу..., – сразу повеселел полицай, прикидывая про себя такой заманчивый вариант, – а что!? Сгоняю. Что тут две версты...!? Только давай договоримся – об этом молчок.

Пётр обернулся за час и притащил солидный узел с едой: – Во..., можешь смело есть... Тут на двоих. Я утром приду и тоже покушаю. И вот ещё..., – из-за пазухи достал солдатскую фляжку и многозначительно потряс ею в воздухе. Открутил колпачок, сделал несколько крупных глотков и крикнул от удовольствия, как совсем взрослый мужик и передал мне флягу. Я тоже сделал пару глотков и успокоил невольного соратника.

– Нормально, нормально. Оставлю поесть, а фляжку мы с тобой утром прикончим. Давай шуруй к своей.

– Я тут винтовку оставляю? – Неуверенно протянул Пётр, прислоняя винтовку к дереву.

– Оставляй и мне надёжней будет, а то пистолет хорошо, а с винтовкой лучше...

Выждал для уверенности ещё час, прыгнул на мотоцикл и погнал лесными тропами к спрятанной легковой машине. Сначала покрутился по лесу и вскоре уткнулся в более надёжное место, куда и перегнал машину.

В лагере оказался даже раньше, чем планировал. Спрятал автомат, пистолеты убитых офицеров и только сейчас почувствовал, как сильно проголодался. Налил в жестяную кружку добрую порцию крепкого самогона, отрезал хороший кусок сала и с удовольствием проглотил спиртное, закусив салом с чесночком. Утолив таким образом первый голод, уже спокойно залез в узел с едой, выбрал наиболее аппетитные с виду пару кусочков варёного мяса и неторопливо стал кушать, размышляя сначала как переправить добычу поближе к дому и где сыскать надёжное для хранения место и незаметно скатился к прошедшим событиям, также прикидывая как мне дальше быть.

* * *

На следующий день после того как грохнул полицая Егора, мне пришлось выехать со следователем Полозовым на место убийства. Следователя до этого, я лично не знал, он был из новеньких и как коротко рассказал Кондрат – из советских. Как только сюда пришла советская власть и организовалась милиция, Андрея Николаевича, так звали следователя, прислали сюда по разнарядке с территории советской Белоруссии. Устроился на месте, выписал сюда семью и спокойно служил тут. За эти почти два года не замарал себя ни чем. Расследовал редкие преступления без рвения и выслуживания. Поэтому его и не тронули, когда тут оказались немцы. Из-за внезапности войны эвакуироваться сам и увезти семью не успел. Тихо прожил этот месяц, а когда прижало, пришёл в полицию и предложил свои услуги.

С собой мы взяли пятерых полицейских, сам он сел в кабину, я за рулём и погнали. Спокойный, круглоголовый мужик, лет сорока восьми, со скупыми движениями, по глазам видно, что не дурак и сам себе на уме. В принципе, если бы я не ощущал в нём вдумчивого противника, он бы мне понравился. А так напрягал. Всё-таки, в той жизни очень много читал детективной литературы, много чего знал из жизни, прекрасно понимая, что запросто можно проколоться на элементарной мелочи или чепухе.

И вроде бы не было этой мелочи, за что меня можно уцепить, но всё-равно был напряжён.

Приехали, полицай соскочили с машины и с любопытством сгрудились вокруг нас, но следак сразу их отогнал, приказав охранять этот участок дороги и тем самым оставив нас наедине, чему я был благодарен. Не хер, чтобы потом мои слова полицай извратно толковали между собой. В десять минут рассказал, как происходила встреча и как мы с ним, с живым, разъехались. Всё это он спокойно выслушал, внимательно поглядывая на меня. Потом осмотрел наше место встречи и те следы, которые ещё оставались. Задал уточняющие вопросы, спросил какое оружие у меня есть? Я показал ТТ, который сегодня взял и теперь придётся по насто-

янию братьев постоянно носить с собой. Ещё в течение часа он сам лично лазил по ближайшим кустам. После чего, уже с полициями прошёлся по обоим обочинам дороги в сторону города почти километр, осматривая прилегающий вплотную к дороге лес и кустарник, пытаясь найти место засады. Потом сел в машину, на которой я тихо за ними ехал и приказал ехать по тому маршруту, как ехал при обкатке. Ехали по его просьбе не спеша и он внимательно поглядывал по сторонам. У меня нехорошо ёкнуло сердце, когда он приказал остановиться напротив своротка в лес, куда я вчера заезжал. Но он только посмотрел с минуту, не выходя из машины, и молча махнул вперёд. А я ещё с километр обсыхал от выступившего пота. Но, слава богу, он не смотрел на меня, а о чём-то сосредоточенно думал.

Не получилось и на следующий день ехать. Кондрат утром пришёл ко мне на базу и привёл, как обещал людей для работы. Тут были и два сапёра, молодые парни, из числа пленных красноармейцев, что видел у полиции. Серёга и Саня. Сергей был деревенским парнем и до армии работал на МТС, не то что был специалистом по автомобилям, но помогал местным механикам ремонтировать, а те его учили не только ремонту, но и ездить на машине. Что он сразу уверено и продемонстрировал, прокатившись во дворе мастерских по кругу на полуторке. Саня наоборот – городской. И они по армии здорово подружились. К автомобильной технике отношение не имел, но Сергей сумел убедить Кондрата, что быстро его обучит и тот станет ценным работником.

– Сам к нему приглядишься. Вдруг действительно толк с него будет. Городской всё-таки и в сапёры дураков не берут. Работать будут здесь, и на первых порах пусть ночуют здесь. Выдели им помещение. Кормиться, да и отмечаться будут в полиции. Если себя покажут, как обещали, примем как наёмных рабочих и пусть с жильём потом сами определяются. Ну, а вот эти, – Кондрат взмахом руки подозвал, неплохо одетых в гражданское молодых мужчин, – Матеуш и Людвик, из местных поляков. Перед войной в Граево механиками работали и водить тоже могут. Пока только четверо. Со временем найдём ещё...

Так что день прошёл в знакомстве и определение кто и что знали и умели. И ещё в обустройстве жилья сапёрам. Да и подкормил парней. Поляки в технике оказались толковыми и знающими. Матеуша вечером назначил своим замом. Серёга показал себя толковым не только в езде. Лишь Саня не вписывался, но изо всех сил старался не быть лишним.

А вот на следующий день, Кондрат взял с собой ещё двоих полицейских и мы поехали смотреть технику.

Полиции ехали в кузове, что нам не мешало разговаривать откровенно. До деревни, где стояли машины было тридцать километров и езда заняла два часа. Первые полчаса текли разговоры на общие темы, а когда мы их исчерпали, после недолгого молчания я задал вопрос на интересующую меня тему.

– Ну что там следователь накопал?

Кондрат ехидно усмехнулся, искоса поглядев на меня: – Что? Переживаешь?

– Не без этого..., – отделался неопределённым ответом, – как ни как, а я был последним, кто его видел живым.

– Что ж..., не зря волнуешься. Под тебя копает. – Кондрат снова усмехнулся, помолчал и интригуяще продолжил, – вчера вечером он мне всё по полочкам разложил.

– Смелый однако..., так заявлять про брата начальника полиции, – у меня мгновенно пересохло горло. Я и сам понимал, что при всех раскладах должен находиться в числе подозреваемых, но чтобы вот так, самым главным и так быстро, совсем не ожидал. Нервно сглотнув, слегка охрипшим голосом спросил, – ну и что ему мешает взять меня за задницу? Родство с тобой?

Кондрат открыто глянул на меня и весело рассмеялся: – Ну уж он на самоубийцу не похож... Говорит – Вот я вам выложил все карты на стол, а вы сами решайте. Всё-таки он ваш брат, а я всего лишь следователь, да ещё служивший советской власти. Сами разбирайтесь...

Следующие полкилометра проехали в молчании, где я усиленно размышлял и, не выдержав, прямо спросил: – Я не понял? Что он за сутки мог такого накопать, что это показывает на меня?

– Отнюдь...! – Кондрат был серьёзен, – он совсем не дурак. Повезло нам со следователем. Умный, чертяка. Я бы до такого просто не додумался. Мы ж простые. Когда, мы позавчера вернулись с дороги, то Ефим сразу на хутор поскакал и сразу посмотреть твой пистолет. А он действительно на месте. Да, смазанный и лежит в коробочке, что сразу сняло в наших глазах с тебя подозрения. А, Полозов, глыбже и тоньше смотрел. В жизнь бы не догадался...

Видя моё хмурое лицо, Кондрат неожиданно сильно ткнул кулаком меня в плечо, отчего машина вильнула по дороге: – Да ладно тебе, брат, не жмурься... Всё нормально. Полозов вчера днём вырезал пулю из Дымкова... От нагана она. Не от ТТ.

– Тьфу ты, чёрт..., – облегчённо чертыхнулся и в свою очередь перешёл в наступление, – чего он тогда меня подозревает? Пусть ищет того, у кого есть наган и кто похитил оружие. Оружие в мешке исправное было...

– Во..., – Кондрат уважительно поднял палец вверх, – он так и хочет поступить. Взять на контроль все известные у нас наганы и разобраться с их владельцами. А их у нас не так много. Проехать в деревню и там учинить следствие, может оттуда привет Дымкову прилетел... Но ты пока главный у него.

– Хорошо, – непримиримо согласился я, – допустим, я его убил. Почему он так считает?

Кондрат всем телом повернулся ко мне: – А вот теперь слухай, что он мне сказал. Не хватает двух моментов – это нагана, которого у тебя никто не видел и неизвестна причина, по которой ты его убил.

– Ха..., – не выдержал и перебил брата, – так нагана у меня реально нет и никто не мог его видеть в моих руках, и Егора я видел всего два раза в жизни. У Ефима..., и то я там молчал и на дороге. Там разговора то было на пять минут...

– Всё так, братуха, но вот эти пять минут и являются главным для Полозова в его рассуждениях. Он слово такое учёное назвал про подозрение... Я вот его не запомнил... Смысл приблизительное подозрение...

– Косвенное подозрение?

– Во, во, во..., – обрадовался Кондрат, – Точно. Косвенное. А ты откуда знаешь?

– Так я наверное в Варшаве два года учился...

– А ну да, ну да... Ты ж у нас почти городской, грамотей..., – с некоторой долей осуждения, но одновременно и лёгкой зависти произнёс брат. Потом неожиданно признался, – другим ты, брат, стал. И совсем не после Варшавы. И вроде бы ты, но и не ты. И вроде бы мы с Ефимом старше тебя, но временами, слушая тебя, кажется ты старший брат. Да и вообще, после тюрьмы красных и контузии, ты как-будто скинул с себя молодость и стал рассуждать и вести как взрослый, умудрённый жизнью человек. Не..., нам, конечно, это в радость, что ты нормальным казаком становишься, но и удивительно...

– Да ладно тебе, Кондрат, я ж не виноват, что такой уродился. А по контузии, да лучше бы её и не было. Я ничего не помню. Если бы вас не было у меня, да я по жизни, как слепой кутёнок тыкался. А так, спасибо вам, спасибо за поддержку. Я живу нормальной жизни... И вообще, давай дальше рассказывай.

Кондрат от моих слов растрогался, неуклюже приобнял меня в тесной кабине на несколько мгновений, помолчал с минуту и уже без обычного подъёма стал рассказывать: – Так вот продолжаю, ты рассказывал, что встретил его трезвого и что он предложил тебе выпить, но ты отказался. Но за это время, пока разговаривали, он на телеге расстелил холстину и выложил туда закуску. И бутылку достал...

И тут я понял, на какой мелочи построил своё умозаключение башковитый следак – бутылку с самогоном. А Кондрат тем временем продолжал рассказывать, всё больше и больше

восторгаясь новым следователем: – Так вот чё он говорит – бутылка ведь полная по самое горлышко была. Тряпица с закуской, когда вы расстались, так и продолжала лежать на сене и бутылка рядом не початая тоже лежала. То есть, либо его стрельнули сразу после того как ты поехал, что он не успел открыть бутылку, чтобы выпить и ты должен был слышать этот выстрел. А раз не слышал... То это мог сделать ты. Он ведь там час лазил по кустам и утверждает, что там не было места, чтобы с нагана, с далека и прямо в сердце попасть. Нету там засады. И дальше нет следов, чтобы видно было, что его ждали. И застрелили его с близкого расстояния и с первого выстрела. Вот..., – и Кондрат на сколько это было возможно в кабине, развёл руки.

Если бы ты не был нашим братом, приказал тебя арестовать и спытать – что и как? И за что?

Кондрат помолчал, глядя на бегущую под колёса дорогу и закончил свои рассуждения совершенно неожиданным выводом: – Нам такой умный следователь очень нужен...

После недолгого молчания, спросил: – А вот интересно. А вот если бы это всё-таки был я? Как бы ты поступил?

Кондрат повернул ко мне голову и долго смотрел на меня, потом снова уставился на дорогу и лишь через несколько минут заговорил: – Ну..., тогда тебе пришлось бы изложить очень сильную причину – почему ты это сделал? И уже по причине, мы с Ефимом, принимали бы по тебе решение – простить или как?

– Хорошо. С сильной причиной понятно, – продолжал гнуть своё, – а если причина или не сильная, или вражеская...

– Как это вражеская? – Вздвинул высоко брови в удивление брат.

– Ладно..., мелочная причина...?

Брат опять задумался, но уже не надолго. Потом ухмыльнулся: – Ох и отделали бы мы тебя с Ефимом. Убить не убили, но Агаша с ложечки тебя бы долго лежачего кормила. Хоть Егор и гнилой был человек, но СВОЙ. Понимаешь – СВОЙ и хороший казак и боец.

– Это хорошо, что я его не убивал, – констатировал итог разговора, – а так пусть он копает. Ничего не найдёт.

Остальной путь до деревни прошёл в лёгком молчании близких людей.

Уже подъезжая, Кондрат быстро огляделся по сторонам и предложил: – В деревню потом заедем, заворачиваем вон туда. Нагрянем внезапно и проверим, как полиция службу несёт. Тут у меня трое их. Двое сыновей старосты и ещё один, их сосед.

Что ж, местные полицаи оказались добросовестные. В глубине леса, с аккуратной скамеечки у постового грибочка с полосатым шлагбаумом поднялся бородатый деревенский дядька с винтовкой в руке, который вблизи, когда мы вылезли из машины, оказался молодым мужчиной лет двадцати семи.

– Здравия желаю, господин начальник полиции. – Браво рявкнул дородный полицай, приняв подобие строевой стойки, смешно выпятив животик, и почтительно пожал руку Кондрату, потом мне и кивком головы поздоровался с полицаями, поднявшимися на ноги в кузове.

– Здорово, Антон. Молодец, службу знаешь и смотрю тут даже порядок навели. – Похвалил Кондрат.

– Так точно, господин начальник полиции, – ещё громче рявкнул Антон, польщённый похвалой.

– Да ладно тебе..., – досадливо махнул рукой Кондрат, – Заладил. Господин начальник, господин начальник... Давай, докладывай, что тут и как?

Антон, старший сын старосты, закинул винтовку на плечо и повёл нас по небольшому полевому лагерю, скорее всего стоявшего здесь до войны ремонтного подразделения, человек так на сто, если посчитать землянки. Не знаю, как тут было, когда приезжал сюда Кондрат последний раз, но сейчас видно, что тут приложили руки. Прибрано, чуть ли не под метёлку, 5 грузовых автомобилей хоть и не в ряд, но стояли в одном месте. Рядом, на пробитых колёсах,

приткнулась явно ремонтная летучка с фанерной будкой и небольшой треугольной стрелой, для поднятия тяжестей. Отдельно стоял трёхосный грузовик с загруженными на неё шестью бочками. Ещё около 20 двухсотлитровых зелёных бочек, виднелись за колючей проволокой в метрах пятидесяти сзади машин и по всей территории проглядывались другие элементы, говорящие о проходящих здесь когда-то ремонтных работах на технике.

Первым делом проверили бочки в кузове – одна с маслом, три с соляжкой и две с бензином. Неплохо. И на маленьком складе, за колючкой, половина бочек с соляжкой, другая с бензином. Тут же, в деревянных ящиках, в небольшом штабелёчке, запчасти к машинам, а в летучке куча нужных инструментов. Но больше всего меня порадовал мотоцикл, прислоненный к толстому дереву и, судя по полному баку, он был на ходу. Я сразу захопотал вокруг него и с ходу попытался завести, но он только редко чихал, выпуская из выхлопной трубы небольшие и аккуратные кольца чёрного дыма.

– Ладно, потом разберёмся... – хотя сначала и мелькнула мысль закинуть его на кузов и увезти в город, но уже через минуту передумал. Мне тут тоже мобильность будет нужна.

Быстро оглядел машины. Их наверно не успели отремонтировать и пришлось бросить при скором отступлении. В разных частях лагеря, в аккуратно сложенных кучках, лежало много и другого военного имущества, но оно нас не интересовало и Кондрат разрешил Антону забрать это всё деревенским.

Оглядевшись в течение часа и перегрузив на свою машину часть бочек из грузовика, мы теперь покатали в деревню, чтобы пообедать и договориться насчёт моего постоя. Обычная, смешанная белорусско-польская деревня, дворов сто, в три короткие улицы. Судя по домам и хозяйственным постройкам, жили тут зажиточно. Крепкий и большой дом старосты на высоком каменном фундаменте, почти рядом с небольшой сельской площадью, больше похожей на лужайку, напротив красивая церковь. Староста... Вот интересно. В советской литературе, кино всегда показывали их, да и всех приспешников фашистов, внешне выглядевшими неприятными личностями, холуями и подхалимами. Но они, как я сам уже убедился, в этом времени, оказались нормальными и обычными людьми. Так и староста, Апанас Антипович, тоже выглядел нормально. Обычный мужик, аккуратно подстриженная борода, одет опрятно, держится с достоинством. Видно, что деревенский, но мужик грамотный и рассудительный. Встретил нас с уважением, спину не гнул. Пригласил в дом и хоть и не ждал гостей, стол накрытый для нас в течение двадцати минут, был вкусный и обильный. С неизменной самогонкой. Стол накрывали жена старосты Ненила и их дочка Евдокия. Бойкая, грудастая девица, лет двадцати, с интересом стреляющая глазами в мою сторону. После пары чарок, Кондрат быстро столкнулся с моим проживанием и столованием.

– Да что тут говорить, Кондрат Силантыч, у меня и поселим, – на что Евдокия тут же сверкнула глазами и мне стало понятно, горячие ночи мне будут обеспечены. А девка аппетитная и на любовь видать ненасытная. Когда мы ехали сюда, брат немного просветил меня насчёт местной ситуации. Староста положил глаз на хороший клин земли, но хочет, чтобы всё было по закону и уже закидывал в прошлый приезд намёки, чтобы он как начальник полиции поспособствовал в этом деле. Так что, Апанас Антипович, ещё сам шепнёт дочке, чтобы она была поласковей с братом главного полицая.

А тут и Кондрат озвучил его прошлую просьбу: – Насчёт того, о чём мы говорили, ты Апанас Антипович, дней через восемь подъезжай в город и мы твоё дело порешим. Бургомистр наш человек... – ну уж после этого, застолье стало ещё ширше и радостней. Со стороны старосты.

Вернулись в город и я ещё дня три крутился и налаживал своё автомобильное хозяйство. После чего на машине выехал в свою командировку дней на десять. Кондрат хотел навязать мне помощников из числа полицаяев. Типа: пусть около тебе покрутятся, ты их немного обучишь,

чтобы потом к машинам приставить, да и ночью чтобы охраняли... Но я наотрез отказался, мне нужно быть там одному, без всякого пригляда.

Наш город Стаховец находился как бы на отшибе. В глуши. Основные дороги проходили южнее в тридцати километрах, а северные в сорока от города. Кругом Беловежская пуща. В той своей жизни, читая про эту войну, особо о начале войны, в моём представлении казалось, что здесь чуть ли не на каждом квадратном километре наши войска должны быть натяканы. Но именно здесь и ничего, кроме пограничников со своими небольшими заставами, не было. А войска располагались от нас в тридцати-сорока километрах восточнее. Наверно по задумке, должны были навстречу противнику выдвигаться из глубины территории и во встречном бою ломать его. В первый день немцы Стаховец взяли практически за тридцать-сорок минут, как мне рассказывали. Даже стрельбы не было. Прокатились через город и пошли вперёд. А на второй день, кроме как немецкой комендатуры, ничего не говорило об оккупации и что идёт война. Да и я, кроме солдат коменданта немцев то и не видел. А вот за моей деревней, в десяти верстах, как местные говорили, проходил тракт, и по которому шло бойкое передвижение немецкого транспорта. Вот и хотелось осмотреться там, а может быть и пощупать койкого, оказавшегося в своём путешествии в одиночестве. Наверняка там связь по столбам проложена и связисты катаются, если эту связь нарушить.

Машина, на которой я приехал в деревню, загрузившись очередной партией бочек с топливом, укатила в город, а я остался. Так как время было уже после обеда, то с младшим сыном старосты Петром, с которым сходу познакомился, по моей просьбе обошли деревню и ближайшие окрестности. Пётр утащил у отца литр весьма неплохого самогона, прихватил из дома немудрящую закуску, так что прогулка наша удалась и прошла весело. Пётр был обычным деревенским парнем, смышлёным, по натуре живчиком, если мерять деревенскими мерками – считался грамотным, но для любого городского одногодка выглядел бы туповатым. По своей молодости, когда больше тяготеешь к развлечениям, к деревенскому труду относился с неохотой. И если бы не отец и его старший брат Антон, совсем отбилась от рук.

– Я и полицейским согласился быть, только бы не гнуть спину на хозяйстве с утра до вечера. С винтовкой в руке гораздо проще жить и уважение на деревне больше... – откровенно и хмельно поделился новый товарищ, закусывая очередную чарку.

А вечером он затащил меня на деревенскую вечёрку, куда собралась местная молодёжь. Человек тридцать парней и девок расположились двумя группками на куче бревен. Парни пришли уже поддатые и, распалив костёр, продолжали тихонько квасить, перекидываясь с девками шуточками, довольно сального характера. Девки тоже принесли с собой выпивку, но в отличие от парней, клюкнули по чуть-чуть, только для поднятия настроения и так сказать – «для храбрости». Девки мне, в основном, не понравились. Да и вообще, если сравнивать с людьми из моей той жизни, тутошние внешне очень здорово отличались от тех современных. Если взять мужскую половину населения, то они все выглядели гораздо старше своих лет. Это касалось в основном молодых мужчин и парней. Тот же Петро, которому было, как и мне 21 год, гляделся лет на 25-26. Да и присутствующие здесь 18-19 летние парни, смотрелись гораздо старше своего возраста. А мужчины, которым перевалило за 35, вообще смотрелись внешне как далеко за сорок. Женщины... Тут не знаю... То ли минимум косметики, то ли её отсутствие или не умение пользоваться хотя бы минимумом, конечно, сказалось и иная непривычная на мой взгляд мода, но в основном выглядели некрасивыми. Какие-то коренастые, низкие, именно низкие, а не высокие ростом. Причесоны убогие. Даже на улицах города редко можно было увидеть высокую, красивую женщину. Вот и сейчас среди табунка девушек только три ещё более менее смотрелись, остальные только составляли общий фон заднего плана, как раз для них. Но, чёрт, большинство грудастые и титьки налитые такие, что лапоть можно было с удовольствием. Присутствовала здесь и Евдокия. Не сказать, чтоб была писаной красавицей,

но она брала статью и своей озорной, брызжущей из неё молодой, жгучей энергией. А уж про грудь, которая упруго и сексуально подрагивала под кофточкой, я вообще молчу.

Чуть позже пришёл деревенский гармонист Стёпка, щупловатый на вид парень, но как оказалось классно играющий на гармонии. И началось самое главное действо вечёрки – танцы-манцы-обниманцы. Хотя, сначала всё было весьма внешне чинно. Парни обходительно приглашали девушек на танец, те конечно для вида ломались, но потом жеманясь опять же для вида соглашались и с томным видом кружились в медленном танце, не соприкасаясь друг с другом. Но по мере того, как парни наливались самогоном, а вместе с этим смелостью и наглостью, вся эта чинность и обходительность быстро прошла, превратившись в банальное тисканье девок на брёвнах, целованья в ближайших укромных местечках, тихое повизгивание и придушенные смешки, когда парень позволял себе чуть больше позволенного.

Меня местные парни встретили настороженно, девки любопытными и оценивающими взглядами, где оценка была весьма высокая. И драки, когда семеро лупят ногами лежащего на земле, было бы мне не избежать. Но..., Петро быстро пробежался по парням, шепнул кто я такой, чей брат, женатик и вообще на несколько дней и вопрос с моим нежелательным присутствием был закрыт. Кому охота в такие смутные времена связываться с братом начальника полиции. Ну, трахнет пару девок и уедет, а девки то останутся. Да и мне выбора не оставили, вернее не оставила Евдокия, которая тут же взяла меня в оборот и уже в конце посиделок, мы уединились и я её лапал как хотел. Конечно, будучи выпившим, хотел большего, да и она тоже, но по-деревенски откровенно заявила: – Тимофей, ну сегодня нельзя... Я ж не гулящая какая-то..., – а сама голой грудью с каменными сосками, так прижалась ко мне, что я чуть не кончил в трусы, а она, запахнув кофточку на груди, тихо посмеиваясь, убежала в дом.

Хорошо, что я был прилично выпивший, поэтому бухнувшись на кровать, не ворочался полночи в эротических фантазиях, а мигом провалился в здоровый солдатский сон.

Утром, сытно и аппетитно позавтракал, с удовольствием поглядывая на крутившуюся здесь же Евдокию, всё ещё ощущая в своих ладонях её налитые, упругие груди. Она тоже не оставалась в долгу и посылала мне многозначительные, многообещающие взгляды, отчего у меня сладко замирало сердце. Выпив предложенную, усмехающимся в бороду хозяином стопку самогонки и попросил собрать узелок с едой: – Обедать буду там, нечего времени терять на ходьбу..., – пояснил свою просьбу.

– Да чего ты, Тимофей батькович, с узелком возиться будешь. Принесут тебе...

Ну, а мне что!? Даже лучше и неспешным шагом двинулся в сторону лагеря, где меня встретил у шлагбаума третий местный полицай Адам, которого я вчера мельком видел. Перекинувшись несколькими словами, он ушёл домой, а я остался один.

По хозяйски прогулялся по лагерю и решил первым делом завести мотоцикл, чтобы не ходить пешком в деревню. Ну..., а может быть и покатать на мотоцикле вполне возможно любвеобильную Евдокию. И не только покатать.

С мотоциклом провозился больше часа. Почистил контакты, в магнето ковырнулся и после этого сумел завести мотоцикл. Правда, работал он неровно, поэтому пришлось ещё полчаса потратить на регулировку подачи бензина и остался доволен. Не зря в молодости имел мопед, теперь двигатель работал ровненько и тихо. Вскочил на седло и сделал пару кругов вокруг лагеря. А поставив его на старое место, кардинально поменял планы на его использование.

Не хер, никому знать, что я стал мобильным, пусть все думают что я передвигаюсь только пешком. Вчера, в ходе гулянок с Петром, исподволь, из него вытянул интересующую меня информацию о проходящей в десяти километрах от деревни гравийной дороги, по которой и передвигались в основном немцы. А также, как туда проехать. Основная масса войск прошла на восток в первую неделю и как рассказывал Пётр – Если залезть на высокую берёзу на окраине деревни, то можно было наблюдать в той стороне сплошное облако пыли. А сейчас его нет.

Так иногда... Деревенские в ту сторону не ездили, опасались. Как вчера сказал староста: – Не надо бога гневить, вот всё успокоиться, власть новая утвердиться... Вот тогда... А пока будем в Стаховец ездить по старинке.

До обеда ещё успел полазить по остальным машинам и определиться с их ремонтом. Короче дней на десять я тут точно прилип.

Глава третья

Всё произошло совершенно неожиданно для обеих сторон. Мы столкнулись лоб в лоб, выбравшись одновременно на крохотную поляну с разных сторон, и теперь целились в друг друга и истерически орали, впав в лёгкую панику и растерянность, не понимая в первый момент – кто мы друг для друга.

– Оружие брось..., бросай оружие..., – и тут же не логичное с моей стороны, – не стреляй... Свои...

Мне в ответ, от испуганного от неожиданного столкновения молодого красноармейца. летели встречные истошные и растерянные крики: – Руки вверх...! Стрелять буду... Стоять...! Сука, стоять...

И я, лихорадочно разглядывая перепуганного красноармейца через прицел автомата, прекрасно понимал – ещё секунда, две и он нажмёт на курок, вышибая из моей головы мозги вместе с затылком, так как между нами было метра три и своей длинной трёхлинейкой со штыком он вообще сократил это расстояние.

– Ладно..., ладно..., тихо., тихо... Я опускаю автомат, нам только тут стрельбы не хватает. Видишь, опускаю..., – резко снизил накал криков и начал медленно, чтобы не спровоцировать его, опускать автомат. Громко затрещали кусты за спиной бойца и из них выскочило ещё несколько красноармейцев с высоким командиром с тремя шпалами на красных петлицах и они тоже немедленно вскинули оружие, направив его на меня.

– Тихо..., всё..., всё..., спокойно, спокойнйоооо... Рядом дорога, давайте не будем привлекать внимание немчуры..., – теперь я больше обращался к командиру и никак не мог вспомнить, какому званию соответствуют три шпалы на петлицах.

И тут же вспомнил... Подполковник. А тот, продолжая целиться в меня из пистолета, угрожающе процедил сквозь зубы: – Кто такой!

– Товарищ подполковник, я свой. Партизан. Автомат опускаю. Скажите своим, чтобы тоже опустили, а то кто-нибудь случайно стрельнет. А рядом дорога с немцами..., – и начал снова опускать автомат. Подполковник, оглянувшись на своих и сам слегка опустил пистолет

– Назаров, смотри. Остальным опустить, – скомандовал командир, все медленно опустили оружие, в том числе и тот с кем столкнулся, только один из них продолжал держать меня на мушке короткого карабина. Скорее всего это и был Назаров, а манера держать оружие, спокойный и прищуренный взгляд, стойка, выдавало в нём опытного солдата.

– Сергеев, докладывай, – кинул приказ подпол, не спуская с меня настороженных глаз, а молоденький красноармеец стал путанно рассказывать.

– Вот шёл, как вы приказали в головном дозоре и с ним столкнулся. Я закричал, чтоб он бросил оружие, а он автомат на меня направил и не подчинился...

– Автомат сюда дай..., – потребовал подполковник и протянул руку.

– Не..., рано оружие отдавать..., – отказался, сделав осторожный шаг назад и красноармейцы тут же вскинули оружие, – тихо..., тихо.. Я ж сказал. Я свой. Партизан.

Подполковник вскинул руку и красноармейцы, кроме Назарова, опустили оружие. А командир, едко усмехнувшись, сказал: – Что-то ты не похож на партизана, воюющего здесь. Чистенький смотрю, харя нажратая, одежда явно не для леса... Чем докажешь, что партизан? А так ведь хлопнуть тебя придётся...

– Что ж, партизан обязательно грязным и зачуханным должен быть? – Огрызнулся в ответ и сам перешёл в словестное наступление, – вы вон тоже..., не обтрёпанные, хотя больше месяце

здесь уже. Партизанить тоже по всякому можно. А насчёт доказательств!? Так запросто. Я тут несколько дней тому назад прихлопнул трёх немцев – два офицера и солдат. И автомат оттуда. Если хотите, я отведу вас туда и покажу штабную машину, документов два портфеля, чистые карты, чуть ли не всей Белоруссии и оружие есть. Гранаты, патроны. Пять километров всего. Ну как? Пошли? А то мы так, на словах, ни к чему не придём...

Подполковник молча и вдумчиво смотрел на меня, явно взвешивая и оценивая моё предложение и, конечно, упоминание о картах решило всё в мою пользу.

– Хорошо. Пошли. Но смотри, начнёшь тянуть время... Грохнем без сомнения.

– Что, шаги считать будете? Ровно пять километров!? Может я на полкилометра ошибся или на двести метров и грохнуть сразу!? Через полтора часа, если ничего не помешает, будем на месте.

– Только автомат отдай нам..., так будет всем спокойнее..., – подполковник вновь протянул руку ко мне.

– Не... Вам будет спокойней, а не мне. Предлагаю другой вариант, – дождавшись кивка командира, продолжил, – я из автомата достаю рожок и ложу в подсумок. У меня ещё пистолет есть...

Откинул полу пиджака и показал, торчащий из-за брючного ремня пистолет: – Оттуда тоже достаю обойму и кладу в карман. А то не дай бог, наткнёмся на немцев, а я безоружный. А там, на месте, я сам отдам вам автомат. У меня есть ещё.

– Хорошо пошли, но смотри...! – Всё-таки ещё раз с угрозой предупредил подполковник.

Весь путь до машины прошёл в настороженном молчании, обмениваясь лишь короткими фразами, что дало достаточно времени, чтобы продумать сложившуюся ситуацию. Честно говоря, эта встреча была не ко времени. Я ещё не совсем осмотрелся здесь, а только вживаюсь в нынешнюю жизнь и какие-либо впечатляющие результаты своей войны с немцами предъявить не мог, чтобы сразу мне поверили. Вот бы через годик – тогда Да. Можно было всё тщательно продумать и тогда на гипотетической встрече со «своими» у меня было место для манёвра и играл бы на равных. А сейчас всё очень неопределённо, шатко и ситуация в любой момент может неожиданно качнуться в неблагоприятную для меня сторону. Пока мне везло, даже в том, что не обыскали, а так бы нашли удостоверение полиция и конец был бы вполне предсказуем. Судя по группе, по внешнему виду и то, что они шарахались у дороги налегке, без вещмешков, это окруженцы. И группа разношёрстная, вооружена кто чем, половина опытные, а другая явно первогодки. Так что – окруженцы. С другой стороны, они здесь уже месяц и я через своих братьев, да и в полиции не слышал, чтобы они себя здесь чем-то обозначили. Значит, сидят тихо, а уйти на восток не могут, скорее всего из-за раненых в группе.

Это была самая лёгкая часть моих размышлений. А вот вторая – как себя им преподнести!? Тот ещё вопрос. Но и здесь, решил действовать исходя из ситуации. И первая линия поведения – я партизаню. Партизаню в одиночку. И о своей нынешней сущности полиция ничего говорить не буду. Тут больше за меня будут решать мои дела. А вот если ситуация повернётся другим боком, то придётся выкладывать «все карты на стол». А не хотелось бы. Вон..., объявил себя партизаном, а иду впереди всех и прямо спиной чувствую подозрительные взгляды и ползущий по позвоночнику холодок от зрачка ствола Назарова. Лишь когда пришли на место, облегчённо вздохнул и кивнул головой на замаскированную машину: – Вон она. Ветки, правда, уже подвяли...

Три бойца подскочили по команде подполковника к машине и стали раскидывать ветки, после чего он удовлетворённо угукнул: – Угу..., смотри-ка..., не соврал. Что хоть за машина?

– Да чёрт её знает. Я в немецких машинах не разбираюсь. Она на ходу, бензина достаточно..., – мы к этому времени сами подошли к машине и я открыл им багажник, демонстрируя чемоданы и форму офицеров и солдата.

– Оооо..., – обрадовался бритвенным принадлежностям подполковник, – теперь хоть побриться толково можно.

Быстро перевернув бельё в чемоданах, он озабоченно спросил, подняв на меня глаза: – А оружие, гранаты, карты где?

– Все яйца в одной корзине держать нельзя. Всё остальное спрятано отдельно и дальше... Предлагаю, пройти туда. Тут минут двадцать ещё ходьбы...

Но прежде чем уйти к тайнику с оружием и документами, я продемонстрировал исправность машины, заведя её, чем вызвал очередное одобрение подполковника, но только самой машиной. А так с грустью констатировал: – Хороша машина, но ездить на ней никто не умеет... И я тоже.

Забрав из чемоданов лежащие там консервы, вновь замаскировав уже свежими ветками, мы двинулись дальше.

Этот тайник тоже был незамысловатый и по типу первого, под густыми ветвями большой, тёмно-зелёной ёлки. Бойцы нырнули туда и вытащили на свет все трофеи, обрадовав как подполковника, так и его бойцов, особенно когда тут же отдал им автомат и подсумок с патронами. Тут уж они сами почти поверили, что я партизан. Правда, подполковник всё-таки слегка огорчился. Он надеялся, что за мной стоит хоть и небольшой, но отряд, на помощь которого можно было надеяться. А я оказался одиночкой. Но огорчение, быстро прошло, когда в руки он взял немецкие карты.

– А вот за это отдельное спасибо. А то идти просто на восток, ориентируясь на солнце...!? А по карте, совершенно другое дело. Молодец... Чёрт, мы даже не познакомились. Климов Юрий Сергеевич, звание знаешь, ну а должность моя тебе ни к чему, – и протянул широкую ладонь.

– Тимофей..., – пожал руку в ответ.

Климов махнул рукой в сторону бойцов, собравшихся в кучку, и с интересом рассматривали немецкий автомат: – Назарова и Сергеева ты уже знаешь. Правда, Сергеев и вон те двое... Высокий, младший сержант Подкорытов и вон тот, красноармеец Ляско, они на второй день ко мне прибились. А рядом с Назаровым, Шипков. Это мои подчинённые. Ещё двое есть. Один раненый, Алексеев и остался с ним Нестеренко. Тоже мои. Если бы не ранение Алексеева, давно к своим ушли. Но он уже поправился и через несколько дней двинем к своим. А к дороге пошли, с боеприпасами у нас проблема. У Нестеренко ППШ, а в нём 15 патронов. У Назарова осталось две обоймы, да и у других не густо. Хотели на дороге засаду устроить и напасть на обоз или одиночную машину. Полдня пролежали и всё бестолку. Не по зубам нам. Было бы побольше патронов, тогда другой расклад. Пришлось уйти и на тебя наткнулись. Так ты говоришь, у тебя есть оружие и боеприпасы?

– Да... Грохнул тут полицая, он с деревни вёз конфискованное оружие. Два ППШ, два карабина, три лимонки и пулемёт Дегтярёва. Всё с патронами... А..., да ещё наган.

– Отлично. Молодец, этого нам достаточно будет. – Обрадовался Климов и деловито спросил, – Далеко отсюда? Час, два..., ходьбы?

– Да нет..., километров тридцать будет..., – и с сожалением развёл руки.

– Чёрт, далеко. Это ж день ходьбы туда и день обратно..., – огорчился подполковник, ещё раз чертыхнулся и разочарованно произнёс, – придётся местных полицаяв тряхануть. Мне сказали, что в ближайшей деревне три полицая и на месте бывшего нашего полевого лагеря ещё один есть. Вот сегодня ночью пойдём, грохнем их и оружие заберём. Тот, который в лагере, говорит брат самого начальника полиции. Проведёшь нас туда?

Я невесело усмехнулся, вспомнив недавние размышления – говорить ли всю правду? А тут вот такая заковыка. Поэтому и прозвучала в моём голосе не скрытая досада: – Да провести можно, только есть свои сложности. Как говорить: не знаешь, где найдёшь – и где потеряешь.

Климов озадаченно посмотрел на меня и, тяжело вздохнув, я предложил: – Юрий Сергеевич, давайте отойдём немного в сторонку и откровенно поговорим, чтоб всё между нами было открыто и честно. Бойцам это необязательно знать. Вон к тому пенёчку.

– Ну...? – Спросил подполковник, когда мы присели.

– Юрий Сергеевич, сейчас между нами произойдёт очень трудный и сложный разговор. Я прошу вас только не делать скоропалительных и ошибочных выводов, никаких резких решений. Воспримите всё, что скажу, спокойно. Без дёрганьев...

Подполковник посуровел лицом и перебил меня: – Тимофей, давай без этих загадок, дальних подходов. Говори прямо.

– Не..., Юрий Сергеевич, я просто должен издали начать, чтобы у вас было больше шансов поверить мне и понять, а не хвататься за оружие и вешать разные клейма. Так вот: я вам передал оружие убитых мною немцев, документы убитого капитана и майора, золдатенбух убитого их водителя, машина два портфеля с документами и карты. Готов вам передать и другое оружие. Если после нашего разговора возникнут сомнения в моих словах, мы можем пройти... Тут два километра всего и раскопать яму, где закопаны убитые немцы. Понимаю, неприятное дело, но там вы увидите именно убитых немцев, а не, например, убитых деревенских или красноармейцев. То есть, всё это говорит, что я Свой. – Пока я всё это говорил, лицо подполковника Климова закаменело и его глаза настороженно следили за мной. Пора приступать к главному.

– Это хорошо, что вы не обыскали меня сразу, а то уже давно валялся с дыркой в голове у дороги. Поэтому вот, почитайте ещё один документ, только пожалуйста без резкости и спокойно, – и медленно, не делая резких движений, достал свой документ и протянул Климову. Тот принял, раскрыл картонную книжицу с моей фотографией и текстом. С одной стороны на немецком, на другой на белорусском языке и синяя печать внизу с разлапистым, хищным орлом. Долго читал, потом медленно закрыл и, постукивая удостоверением по пальцам, спокойно, но напряжённо спросил: – Как это понимать?

– А вот так, как оно и есть? – Я пальцем показал на удостоверение личности полицая, – там, правда, не написано, что я ещё и есть тот самый полицай с полевого лагеря и брат начальника районной полиции.

Климов возмущённо сверкнул глазами, открыл рот, чтобы что-то сказать, но закрыл его. Перекривился лицом, внутренне принимая какое-то решение, обернулся к бойцам и я уж подумал, что он их подзовёт и всё пойдёт по самому херовому сценарию. Но, тот только посмотрел и вновь повернулся ко мне.

– Ты всё сказал?

– Нет не всё, – спокойно смотрел на него, хотя внутри пружина напряжённости была закручена до предела. Я готов был мгновенно выхватить пистолет, если Климова просчитал неправильно или он ещё сам примет неверное решение, взять его в заложники и, прикрываясь им, попытаться уйти от его подчинённых. Стрелять в них был просто не готов, – я ещё не всё про себя рассказал. Я родился, жил и воспитывался в семье махрового белоказака, перед самой войной в составе диверсионной группы и со своими братьями был закинут сюда для диверсий, но был задержан НКВД, несколько дней просидел в тюрьме и при переправке меня в Минск, в ночь на 22 июня, был освобождён братьями. Вот в нескольких словах..., теперь сказал – Всё.

Если бы всё это излагал Климову при мне другой человек, то мне было бы довольно забавно наблюдать за реакцией Климова на изложенное. Целая гамма самых противоречивых чувств, эмоций, решений, колебаний стремительно пробежала по лицу подполковника и он никак не мог выбрать правильную линию. Наконец он, слегка хриплым голосом, спросил: – И что мне теперь с этим делать? Нет, конечно, я знаю, что делать. Арестовать и кончить тебя. Но меня пока, всё что ты рассказал, ставит в тупик. Ты ж мог промолчать. Зачем ты это сказал или у тебя есть какой-то свой план?

– Да..., у меня до встречи с вами был только один план. Это бить немцев и при такой ситуации, в какой нахожусь, к сожалению – бить в одиночку, пока меня самого не завалят. То ли немцы, то ли под горячую руку свои. Ну..., а сейчас, добавился к плану ещё один пункт – снабдить вас оружием, отдать все документы, чтобы вы ушли на восток к действующей армии. А я останусь, вдруг ещё вам здесь пригожусь?

На последней моей фразе Климов удивлённо поднял брови, но спросил о другом: – Всё равно не пойму – Почему ты, имея такое прошлое, хочешь быть на нашей стороне? Или ты мстишь за что-то?

Что ж, если Климов задаёт вопросы, а не приступает к решительным действиям против меня – шанс договориться был. Только надо быть откровенным и не юлить. Хотя ведь не станешь ему рассказывать, что ты попаданец из будущего. Это просто провальный вариант. Поэтому нужно держаться полуправды.

– Месть, это слишком призрачная причина. Да и нет её. Всё, Юрий Сергеевич, гораздо сложнее и чтобы я вам тут не говорил, вы просто не поверите мне. В лучшем случае сочтёшь всё за бред сумасшедшего, поэтому вам придётся просто смириться с данностью – есть полицай, вот из такой семьи и с такой биографией и так сложилось, что он ведёт свою борьбу с немцами и предателями. Я мог бы соврать вам, что меня завербовало НКВД или ещё какие-нибудь разведывательные органы. Что у меня задание вступить в ряды полиции и на этой почве разворачивать партизанское движение... Мог много чего соврать... Но..., как видите, сказал то что сказал.

Юрий Сергеевич с видимым сожалением покачал головой: – Хотелось бы поверить, но не могу. Был бы один, может и рискнул, но вон..., за мной. – Климов кивнул головой в сторону красноармейцев, которые насторожившись смотрели в нашу сторону, не понимая в чём мы не сошлись и о чём сейчас остро спорим, – подчинённые – постоянные и временные, они верят мне и надеются на меня. Так что тут вариантов для тебя почти и нет. Кроме одного.... Догадайся сам, – подполковник наклонил голову и исподлобья поглядел на меня.

– К сожалению, Юрий Сергеевич, ничего не получится. Не из-за того, что мне этих деревенских полицаяев жалко. Просто это не входит в мои планы.

– Почему? Интересно услышать, – вкрадчиво спросил подполковник, напряжившись и готовясь к схватке.

– Чёрт побери, только этого не хватало, – пронеслось в голове, но вслух начал говорить другое, – ну..., пойду я с вами. Грохнем полицаяев. Вы получите три старые винтовки и пару сотен патронов к ним, продовольствия наберёте, меня засветите перед ними. И мне волею-неволей придётся идти с вами. Хорошо..., – я резко опустил обе ладони на колени, как бы подтверждая эту версию, – я иду с вами. И по пути проявляю чудеса храбрости, валяю немцев направо и налево и мы благополучно переходим линию фронта и напрямик попадаем в особый отдел, где все проходим проверку с разными тупыми вопросами – А как вы оказались в окружении? А что вы там делали целый месяц на оккупированной территории? А сколько вы уничтожили за это время врагов? Ах у вас не было достаточно боеприпасов и раненый был? Хорошо. А что вы знаете об остальных военнослужащих, которые вышли вместе с вами? Ах..., с вами бывший полицай!? Да ещё брат начальника полиции!? Хорошо себя показал!?! Ах вы ручаетесь за него! А не много ли вы на себя, товарищ подполковник, берёте? Бывший полицай, втёрся к вам в доверие и с помощью вас, пытается отвести от себя подозрения. А может быть вы с ним в сговоре? И тоже завербованы? И по мордасам, по мордасам..., – я уже не говорил, а швырял ему в лицо слова и мы оба в запальчивости вскочили на ноги, готовясь вцепиться друг другу в плотку.

– Заткнись..., прекрати паясничать... Ты...!!!! Ты..., сука продажная – орал в ответ подполковник, сорвавшись в гнев и тыкая в меня, неведь как появившимся в руке пистоле-

том. В запальчивости он забыл снять пистолет с предохранителя, а так бы наверно и выстрелил. А к нам уже подбегали обеспокоенные внезапно вспыхнувшей ссорой красноармейцы.

– Обыскать и обезоружить, – ткнул в меня пистолетом Климов и мне мигом вывернули карманы и выдернули из-за пояса ТТэшник. В карманах у меня ничего не нашли, а за эту минуту подполковник отошёл от вспышки гнева и мотнул пистолетом на пенёк, буркнув: – Садись, – и сунул моё удостоверение в нагрудный карман гимнастёрки. Потом, со словами – Мы ещё тут поговорим – отослал подчинённых.

– Стрельнуть я тебя ещё успею, но мне вот дюже интересно – Откуда у тебя такие обширные познания об особых отделах? И о вопросах, которые они будут задавать? Может, действительно ты засланный казачок? Это я могу тебе тут про особые отделы многое чего рассказать, а не ты молокосос.

Мне стало совсем неуютно и понятно – про себя он решение принял и далеко не в мою пользу. И жить мне осталось совсем немного. Но пока живой, надо бороться за свою жизнь. А если пистолета нету, то нужно бороться словестно: – Да вы даже не представляете, насколько больше вашего могу знать и об особых отделах, и о многом другом. Я, конечно, несколько стустил краски насчёт «по мордасам вам»... Хотя..., не исключаю. Ребята там нервные и ищут, прямо копают – кто виноват в военных неудачах? Но вот вас-то проверят, бойцов ваших и отправят дальше воевать. Правда, в вашем личном деле сделают поганую отметочку – был в окружении. И она, отметочка, долго будет мешать вашей карьере и жизни. А вот я по мордасам, по почкам и печени получу и это точно. И будут бить меня по оным местам не только кулаками, но и ногами. И прежде чем поставить к стенке, как немецкого диверсанта, много чего болезненного испытает мой организм. А мне это Надо?

– Красиво и складно говоришь, – почти ласковым голосом и снисходительно проворковал подполковник, – даже удивительно, что молодой человек из глухой провинции, далёкий от нашей советской реальности, может так много знать, чего он не должен знать... Хочу тебя успокоить – ничего этого не будет. Ни по мордасам, ни по почкам и печени. Сейчас позову красноармейцев, покажу удостоверение полицая, скажу что вот он и есть брат начальника полиции и поверь мне – каждый из них захочет привести приговор в исполнение. Стрелять тебя не будем. Жалко пули, а вот мой подчинённый красноармеец Шипко шибко умеет ножиком орудовать. О..., как складно получилось – «красноармеец Шипко – шибко умеет...». Вот он тебя, также складно, как барана... Так что давай, чтобы оправдать лёгкую смерть, колись дальше. Меня особо интересует – где можно взять, помимо этой вшивой деревни, нормального оружия и боеприпасы? И так я слушаю.

Да..., охереть, как я влип. На голом месте. И ведь кончат. Вон пистолет, как держит и не дёрнешься. Завалит сразу. Что же делать? Поверить, он мне уже не поверит. Остаётся только убедить его, что я им нужен живым. И тут есть только один вариант.

Я положил руки на колени и стал сражаться за свою жизнь: – Хорошо. Я делаю вам предложение и завтра к утру у вас будет нормальное оружие...

Климов рассмеялся и прервал меня: – Тимофей, я не поверю не единому твоему слову и обещанию. Так что не старайся и не принимай меня за простачка.

– Юрий Сергеевич, вы сначала выслушайте меня, а потом делайте выводы.

– Ладно... Валяй.

– Но для того чтобы вы приняли моё предложение, хочу рассказать о вашем ближайшем будущем, для того чтобы вам было проще принять моё предложение.

– Слушаю, только не надо мне страшные сказки рассказывать. На ночь я бы может и забоялся, а сейчас день...

– Я не сказки рассказываю, а борюсь за свою жизнь. Я могу продолжать? – Увидев молчаливый кивок, продолжил, – Ладно. Верю, что ваш Шипко, качественно меня заколет. Верю.

Но тогда, чтобы иметь большие шансы занять оружие деревенских полицаяв, вам придётся идти в деревню не ночью, а днём. Что сразу понижает ваши шансы или сводит к нулю.

– Почему?

– Да потому что, вечером в лагерь для охраны придёт полицай, а с ним парнишка, который принесёт мне ужин. И если они меня там не найдут, то сразу доложат старосте и полицаем. А те мигом подымут деревню и предпримут все усилия, чтобы найти меня или узнать мою судьбу. Всё же я брат начальника полиции и за мою смерть или пропажу, местных полицаяв по головке не погладят. Так что облом у вас будет ночью, а может быть и потери. Да и днём вам мало что светит. Полицаи не в куче ходят, а каждый своим хозяйством занимается и в деревню днём соваться – чревато. Сразу старосте донесут, а тот своим сыновьям, кстати полицаям. А через сутки здесь будет вся полиция района чесать вот эти леса и гнать вас, как волков. Так что вам такие хлопоты вряд ли нужны. Поэтому у меня есть предложение.

Я замолчал, ощущая, что сумел заронить в душу подполковника определённые сомнения.

– Так вот моё предложение в следующем. Мы все вместе, сейчас выдвигаемся в лагерь. Вы там располагаетесь так, чтобы я был всегда под вашим прицелом. Ну... , чтоб если попытаюсь словчить – стрельнуть меня. Да и полицейского. Пацана только трогать не надо. Так вот, вечером приходит полицай, младший сын старосты, с пацаном. Я на месте, мне отдают ужин. Отпускаем пацана обратно в деревню, а со мной остаётся полицай Пётр. Но как только пацан уйдёт, Петра я отпускаю к его невесте на целую ночь. Он всегда так делает, как дежурит со мной. Мы уходим к машине немцев. Вы передеваетесь в немецкую форму, я сажусь за руль, якобы сопровождаю вас до города, если попадётся патруль. Но ночью дороги у нас никто не патрулирует, да и днём тоже, и на ней за два часа спокойно доезжаем до моего тайника. Забираем оружие и через два часа мы опять здесь. Вы уходите, а я остаюсь здесь. Вполне нормальный, работоспособный план.

Глава четвёртая

Всё прошло, как и спланировал. Хотя Климов долго молчал, хмуро глядя на меня, и я уж думал, что он откажется и тогда у меня оставался только один выход – кинуться на подполковника, сбить его с ног и ломануться в лес. Такой силовой ход хоть имел призрачные шансы на спасение. Может и промажут, а как барану идти под нож... Ну уж, нет. Но, Юрий Сергеевич, тяжело вздохнул и с кислым выражением лица пробормотал: – Не верю я тебе и если бы не было проблемы с боеприпасами и оружием, даже слушать тебя не стал... Ладно... Но смотри, тут уж пули на тебя не пожалею.

А дальше: возвращение под бдительным конвоем в лагерь, вялое копошение на двигателе полуторки, изображение ремонта для появившегося вечером Петра, но без пацана. Пацана то я придумал, нахрен Петру нужен лишний свидетель его балдежа.

– Ну, как ты тут? – Задал для проформы дежурный вопрос молодой полицай, уже весь в мыслях рядом со своей Настей.

– Нормально... , – односложно прозвучал ответ.

– Тогда я помчался...!? – Пётр выжидательно смотрел на меня, нетерпеливо перебирая ногами.

– Давай... , давай... , – я не выдержал и засмеялся.

– Я рано утром приду, как обычно, – скидывая с плеча винтовку, пробормотал полицай, больше для своего оправдания, чем для меня.

– Да можешь не торопиться и лишний часок погреться у неё под боком, – и Пётр рванул, крикнув мне через плечо, – скорей бы осень, а там я тебя на свадьбу приглашу....

Через десять минут из засады вылез Климов со своими бойцами. Младший сержант Подкорытов взял винтовку в руки, осмотрел и вынес вердикт: – Засрана вся... , он бы у меня из нарядов не вылезал... , – и снова прислонил её к дереву.

– Ну, что пошли к машине? – Спросил у подполковника и тот кивнул головой. В поездку Климов взял Назарова и Шипкова, остальным приказал дожидаться нас здесь. Мне вернули пистолет без обоймы и удостоверение полиция. К сожалению, бойцы уже знали, что я полицай, но к моему удивлению отнеслись ко мне без злобы. Злоба и ненависть придёт к ним позднее, когда они своими глазами увидят, какую беду принесли немцы на нашу землю, а пока у них сквозило лишь вполне прогнозируемое любопытство.

Климов одел форму майора и смущённо покрутился перед бойцами и мной, недовольно спросив: – Ну что, похож на немца?

– Не..., лицо у вас не немецкое, но ночью потянет...

Назаров и Шипков под весёлые подколки и смешки остальных капитана и водителя. Правда, для Назарова она была тесноватой, а Шипкову как раз. Ещё раз предупредив меня – «чтобы без всяких там резких движений, а то...», я сел за руль, Климов рядом, Назаров и Шипков сзади и мы поехали. Я, покатавшись вдоволь на мотоцикле, уже неплохо знал окрестные лесные дороги, благополучно объехал деревню и выехал на дорогу, ведущую на Стаховец. Час с небольшим неспешной езды и мы свернули на знакомую мне заброшенную дорогу. Машину оставили в том же месте, где тогда и полторку. Прошли вперёд и вышли к тайнику под ёлкой. Тут мне пришлось изрядно вспотеть от волнения, когда Климов под ветки послал Шипкова и тот глухим голосом доложил оттуда: – А тут ничего нету...

– Не понял...!? – С очень нехорошей интонацией в голосе протянул Климов и точно также нехорошо поглядел на меня, – поиграть вздумал?

– Погодите..., погодите..., Юрий Сергеевич, этого не может быть, – мигом вспотевший, я быстро огляделся кругом. Чёрт побери, а тут оказывается таких ёлок...! Когда закладывал туда мешок с оружием, особо и не приглядывался. Ёлку запомнил, а вот какую – сейчас не помню. Тогда ведь ещё солнечный день был, смотрелось всё по-другому, а сейчас серая ночная муть. Тоже всё по-другому смотрится. Может под этой, а может под той...?

Видать у меня был такой растерянный вид, что Климов смягчился: – Ладно, будем проверять твои ёлки. Но точно! Не врешь?

– Да что врать, если в этом моя жизнь заключается..., – и мы начали заглядывать под все ёлки. И когда счёт безрезультатных заглядываний дошёл до десятка, я был на грани лёгкой паники и готов был ломануться в лес и поиграть в догонялки с пулей. В самый пиковый момент, когда я уже решил на побег, несколько в стороне раздался вопросительный возглас Назарова: – Тут тряпка какая-то валяется, может твоя, Тимофей?

Фуууу..., я чуть ли не весь воздух выпустил в облегчённом выдохе, это была тряпка из-под сала. Видать какая-то зверушка учуяла запах съестного и вытащила сало и тряпку из-под ёлки. А через несколько секунд оттуда донёсся радостный возглас Назарова: – Есть... Тут всё лежит, – и, гремя железом, вытащил мешок под наши взгляды.

Климов тоже облегчённо рассмеялся, когда из мешка достали два ППШ, Дегтярь, карабины, наган и увесистый мешочек с патронами. Быстро осмотрели, убедились в их исправности и тут же стали снаряжать магазины и единственный диск к пулемёту Дегтярёва.

– Ну, а теперь, вы мне верите? – Задал прямой вопрос подполковнику, на который с интересом отреагировали и красноармейцы, с видимым любопытством ожидавших ответа своего командира.

– Теперь верю... Но..., – тут Климов неопределённо пошевелил пальцам в воздухе, – если бы ты рассказал настоящие причины, заставившие тебя ступить на этот путь... То поверил до конца. Но радуйся хотя бы и так. Хотя, чёрт тебя знает – вдруг через несколько дней ты изменишь решение или считаешь, что достаточно и этого вклада и остановишь свою борьбу, продолжив служить в полиции уже добросовестно. Тёмная ты пока для меня лошадка.

А через два часа мы также благополучно вернулись на старое место, где нас ожидали оставшиеся. Отношение ко мне кардинально изменилось. Правда, обойму к пистолету не вернули. Да и чёрт с ней... Не буду пока заострять на этом внимание.

Пока Назаров с Шипковым рассказывали о поездке и показывали остальным привезённое оружие, Климов достал одну из карт, расстелил её на тёплом капоте машины и, бормоча себе под нос, начал прикидывать, где может проходить линия фронта и как туда побыстрее добраться.

Я слушал и удивлялся наивной вере, целого подполковника, который должен по своей вероятности достаточно высокой должности, видеть и знать о реальном состоянии дел куда больше, чем рядовой красноармеец, и не мечтать о выстроенной сильной и эффективной обороне по линии старой границы. Где немцев, как он думал, и остановили, накапливая силы и резервы для мощного наступления. Хотя чему тут удивляться – Сталинская, пропагандистская машина работала на отлично.

– Отлично, – органично вклинился в мои размышления Климов, растопыренными пальцами промерив расстояние по карте, – тут километров..., по максимуму двести – двести двадцать будет. Ну ладно, чёрт с ним, даже если где-то не там свернём, немного блуданём, придётся что-то обходить... Дней за десять дойдём... Как думаешь?

Размягчённый Климов рассеянно посмотрел на меня, углубившись в свои расчёты и думы, и спросил меня просто по инерции.

Хоть мне и не хотелось нарушать возникшее хлипкое к себе доверие и вновь ощутить вполне предсказуемое встречное возмущение и недоверие, но подполковника явно нужно опускать на землю и настраивать на большее.

– Юрий Сергеевич, вы вообще-то внимательно посмотрели маршрут убитых немцев? Куда они ехали?

Климов оторвался от рассматривания чистой карты, посмотрел на меня и вновь полез в глубину коричневого портфеля, доставая карту с нанесённым маршрутом. С бумажным шелестом развернул её полностью и уткнулся в условные обозначения: – Это что – Псков что ли? – Неверяще и протяжно протянул он.

– Да, Псков, и он уже почти три недели под немцами.

– А ты откуда об этом знаешь? – Сразу с вызовом вскинулся Климов.

– У нас дома хороший приёмник стоит и периодически слушаю Совинформбюро. Вот оттуда и знаю. – Сказал всё это спокойным голосом, чтобы не усиливать раздражение и возмущение оппонента.

– Брехня и немецкая пропаганда, – отмахнулся подполковник. – Я про такое совбюро и не слышал....

– Но ведь маршрут проложен туда!?! – Вкрадчиво произнёс и терпеливо поправил подполковника, продолжая спокойно растолковывать ситуацию, – только не совбюро, а советское информационное бюро, образованное сразу после начала войны. Утром, днём и вечером оно зачитывает сводки с фронта и информирует советский народ, как ежедневно проходят военные действия на фронте от Мурманска до Чёрного моря. Сколько за день сбито самолётов, сколько подбито танков, сколько уничтожено немцев. Ну и естественно, какие города и населённые пункты нашими войсками оставлены при отступлении. Приёмник по понятным причинам я сюда принести не смогу. Могу только рассказать, что знаю из этих сообщений. Мне продолжать? А то боюсь, вы вспылите и навешаете на меня помимо уже сказанной «продажной суки», клеймо паникёра и клеветника на доблестную Красную армию.

– Подожди..., подожди, Тимофей. Я ведь не красноармеец и должность у меня довольно приличная и информацию черпал и имел не из радио. И сейчас считаю, что немцы сосредоточили все свои силы на Белорусском направлении и ударили всей мощью, поэтому у них такой и

получился локальный успех... Неужели, вот так...? От Мурманска до Чёрного моря? Ну, этого ведь не может быть. Откуда такие силы и где наша армия?

– К сожалению, Юрий Сергеевич, всё так как я вам говорю и Красная армия отступает. Вот такая хронология войны за этот месяц – 26 июня взят Минск, а это уже за старой границей. 14 июля взята Орша, а это практически граница Белоруссии и Смоленской области. Про Псков я сказал, он был взят в первой декаде июля, а значит, к этому времени немцы захватили всю Прибалтику и половину Украины. Киев пока наш.

– Что значит пока? – Вяло вскинулся Климов и беспомощно оглянулся на красноармейцев, считавших, что пока мы обсуждаем наши вопросы, они могут отдохнуть. Да и не слышали они нашего разговора, а то бы им было не до сна.

– Пока, Юрий Сергеевич, могу сказать только Пока. А на данный момент немцев остановили только под Смоленском и там идут очень тяжёлые оборонительные бои. А на остальных направлениях, немцы наступают. Конечно, не так стремительно, как в первые дни, но к сожалению наступают..., – я замолчал, молчал Климов, переваривая услышанное. И как я понял, он всё-таки вынужден был поверить моим словам, хотя бы частично.

– Это ж до Смоленска километров семьсот будет, – убито пробормотал Климов, – мы ведь хрен когда дойдём, если вообще дойдём...

Подполковник вновь замолчал и надолго, потом встрепенулся, всем телом повернувшись ко мне: – Так тогда и смысла нет идти на восток. Останемся и будем вместе организовывать партизанскую борьбу.

– Не получится, Юрий Сергеевич, – сразу и сходу разочаровал его, чуть подправив своё заявление, – здесь и сейчас не получится. Нету поддержки от местного населения. Тут советской власти и двух лет нету, да ещё колхозами напугали. А здесь люди привыкли веками жить своими хозяйствами. Так что пока немцы не начнут прижимать местное население, никакой поддержки здесь не будет. Вот на следующий год можно начинать.

Климов вспылал, но уже не так уверенно, запальчиво заявив довольно тихо, чтобы не слышали бойцы: – Это ты так заявляешь, потому что казак, да ещё от белых не отошёл и не знаешь возможностей советского народа, Советского Союза. Сейчас тогда у Смоленска станем, подтянем резервы, вдарим и к декабрю выгоним эту нечисть из страны. Как в Финскую войну. За полгода сделали финнов.

– К сожалению, Юрий Сергеевич, вот только в декабре и вдарим, но только первый раз. И от Москвы отгоним и то только на 150–200 километров. А выгоним из страны только в сорок четвёртом году. – Климов резко вскинул голову и пристально посмотрел на меня. Я уж думал – сейчас он мне даст просрать. Но нет, сдержался, лишь спросил сдержано и с сарказмом.

– Откуда такая уверенность? Тоже от совинформбюро!?

Вдруг мне до жути захотелось поделиться с подполковником информацией о будущем. Сломать я его военным негативом не сломаю. Мужик он крепкий. А с другой стороны – А зачем ему это говорить? Но и я психологически устал, нося в себе такую информацию. Даже поделиться не с кем. И это очень здорово угнетало. А тут свой, офицер или как ещё пока в Красной армии говорят – красный командир. Вот расскажу, душу облегчу и ни чем не рискую. В лучшем случае он надо мной просто посмеётся. Обзовёт деревенским дурнем. В другой крайности – смачно обматерит. Да даже если немцы его в плен возьмут и он расскажет об этом – ну кто ему поверит? Что какой-то парень из глухой провинции знает ход войны на целые годы вперёд!? А с третьей стороны – К чему разными бреднями, по их мыслям, к себе внимание привлекать? И правильней бы было промолчать. Но..., но прямо в заднице свербит, как хочется рассказать... Да и пошло оно всё.... Всё равно рано или поздно кому-то про это придётся рассказывать.

Поэтому начал мягко: – Да нет. Если об этом диктор по радио сказал – его после эфира мигом арестовали, чтобы панику не распространял... А вам, товарищ подполковник, интересно знать моё видение хода вот этой войны?

Климов, нахмутив брови, посмотрел на меня, потом оглянулся на кучку красноармейцев и позвал Назарова.

– Назаров, ну-ка встань рядом с Тимофеем. Теперь поглядите друг на друга. Назаров тебе сколько лет? 21? И тебе, Тимофей, тоже 21. Всё, иди Назаров, а мы тут продолжим разговор.

Сдержанно фыркнул, когда красноармеец снова удобно устроился среди товарищей: – Что!? Думаете потыкали носом в мой возраст. Типа, а что ты можешь мне, подполковнику, который оттарабанил в Красной армии двадцать лет, сказать – пацан? Назаров – Да. Он не сможет. Он кроме советских, пропагандистских штампов ничего нового не скажет. А я продукт другого воспитания и другого окружения, и вижу всё под другим углом. И могу очень интересные вещи рассказать. Если, конечно, хотите иметь немного больше информации? И политработников с особистами тут рядом нету. Так что можете спокойно послушать.

Подполковник скептически пожевал губами и с иронией в голосе, согласился: – Ладно, давай рассказывай про другой угол зрения. Любопытно.

Я присел на подножку машины, рядом с Климовым и стал излагать: – Я сейчас буду рассказывать по этапно. Чтоб вы лучше запомнили и когда дойдёте до своих, по истечению времени, сравнили – Наврал я вам или всё совпадает? Так вот. Первый этап – до декабря этого года. Немцы продвинуться вперёд и дойдут, к сожалению, до самой Москвы. В бинокли будут рассматривать. Но..., Москву не возьмут и в начале декабря, как раз собранными резервами, Красная армия перейдёт в контрнаступление и откинет немцев, как я уже говорил от Москвы на 150-200 километров. На остальных участках будет затишье, благодаря очень холодной зиме. Да..., Ленинград будет в блокаде. И ещё, в начале сентября Красная армия нанесёт контрудар и освободит город Ельню...

– Где это? – Прервал мой рассказ вопросом Климов.

– Это южнее Смоленска.

– Хорошо и дальше что?

– Ельню немцы отобьют через несколько дней обратно, но это будет первый город, освобождённый советскими войсками от немцев. И первый локальный успех.

Второй этап войны начнётся где-то в мае 42 года и будет катастрофой для Красной армии на юге. Под Харьковом наши попадут в капитальное окружение и за счёт этого немцы лихо рванут вперёд к Сталинграду и Северному Кавказу. Захватят полностью Крым. Где-то в конце июля, начале августа начнётся Сталинградская битва, самым пиком которой будут тяжёлые уличные бои в Сталинграде за каждый дом, за каждый квадратный метр города. В конце ноября наши войска начнут неожиданное для немцев мощное наступление и сумеют окружить трёхсот тысячную группировку немцев и к февралю 43, это группировка будет полностью разгромлена и взята в плен, а наши войска успешно пойдут вперёд.

Третий этап – это Курская битва. Начнётся она встречным наступлением немцев и Советской армии то ли в конце июня, то ли в начале июля 43 года и в тяжелейших условиях мы выиграем эту битву и снова погоним немцев на запад. Да, кстати, в 43 году будут введены офицерские звания и погоны. – Климов до этого слушавший молча, опустив голову и глядя на землю, посмотрел на меня, но промолчал.

Четвёртый этап – 44 год. Это год 10 наших наступлений, в результате чего к осени 44 года освободим всю территорию СССР от немцев, перейдём границы и погоним немцев дальше. Кстати, эту конкретно территорию Красная армия освободит в 20-х числах июля 44 года. – Я топнул ногой по земле и продолжил, – а летом сорок четвёртого года наши союзники – США, Англия и Франция, высадутся во Франции и откроют второй фронт против немцев в Европе. Ну и 45 год, освобождение Польши, Румынии, Венгрии, Болгарии, Югославии, Чехословакии,

Норвегии, Австрии и 9 мая мы закончим войну в Берлине. Сама Германия после войны будет поделена между союзника на две части. Западная половина Германии будет под контролем США, Англии и Франции, а восточная под нашим.

Вот такая будет война, товарищ подполковник. Я понимаю ваши чувства, но это моё видение. Почему я так вижу, это сейчас не важно. Это будет важно, для вас, потом. Ну и советую, то что я сейчас рассказал, придержать при себе. Потом решите, как это всё использовать, если, конечно я и вы выживем в этой военной круговерти.

Подполковник молчал. Он не всплёл руками, не матерился, не навешивал тихим от ярости голосом клейма. Он вообще никак не реагировал на мой рассказ – просто молчал и мне даже пришлось нарушить затянувшееся его молчание: – Юрий Сергеевич, комментария будут? Да и мне уже пора возвращаться в лагерь, чтобы не возникли потом ненужные подозрения.

– Мда... – Климов перестал играть роль молчаливой скульптуры, поднялся с подножки, на которой сидел рядом со мной. Коротко прошёлся вдоль машины и остановился напротив меня, – комментарий не будет. Они могут появиться только через полгода, когда можно уже что-то сравнивать. А сейчас просто не хочется зря спорить и бессмысленно сотрясать воздух. Да и действительно тебе уже пора. Удивляет, вернее даже поражает другое. Если тебя слушать с закрытыми глазами, отринувшись от настоящего времени, то можно подумать, что я снова нахожусь в академии на занятии по военной истории. Мы проводим краткий разбор прошедшей войны. И вроде бы всё тут логично, правдиво и понятно. Но вот открываю глаза и гляжу на тебя, и вместо профессора напротив сидит молодой парень из забытой богом дыры. Ну не может этот парень в следствии своей куцей жизни, не того воспитания, не тех взглядов владеть терминами, понятиями, знаниями военной стратегией, свободно оперировать политической ситуацией, которая может сложиться через несколько лет в Европе... – Климов замолчал и в лёгком удивление развёл руками.

– Ну уж, не такой я провинциальный. Всё-таки несколько лет учился в Варшаве. Что-то видел, что-то читал. Посещал разные лекции. Почему бы с этой стороны не глянуть, на то что сейчас излагал?

Подполковник, не соглашаясь с моими словами, махнул рукой: – Для того чтобы вот это излагать, не несколько лет нужно просто прожить в Варшаве и посетить несколько лекций. Лет пятнадцать, как минимум, надо крутиться внутри ситуации, иметь специальное знание и образование соответствующее. Ну или... Тут перед войной, мне рассказывали, что в Москве живёт известный предсказатель будущего. Фамилию не запомнил, еврейская такая...

– Я знаю эту фамилию – Мессинг... Фамилия этого еврея. – Улыбнувшись, прервал подполковника. И тот обрадованно вскинулся.

– Да, да..., примерно что-то такое, подобное. Так вот ты не тянешь на этого прорицателя, но и придумать вот так с ходу... Ну это либо быть безумным фантазёром, либо сумасшедшим. Но на сумасшедшего ты не похож, а судя по тому, как ты убил полицая, трёх немцев и открылся нам, скорее ты авантюрист. – Климов повернул голову в сторону бойцов, – Назаров, тащи сюда патроны к ТТэшнику Тимофея.

– Тебе действительно пора возвращаться в лагерь. После того, что сделал нам, не хочется тебя подставлять. Но совет тебе дам, даже два. Авантюристы долго не живут, поэтому больше думай головой и от немецкой машины избавляйся. Спалишься на ней. – Взял принесённые две обоймы и, постукивая ими по ладони, задал вопрос, – хочешь напоследок спросить тебя. Как бы ты пошёл к фронту?

– Конечно, логичней было бы идти напрямую на Смоленск или северней в направлении Великие Луки. Немного поближе будет, но там свои минусы – более-менее устоявшаяся линия фронта, да и болота не стоит сбрасывать со счетов. Я бы, ориентируясь на то, что вам рассказал, пошёл южнее, на Могилёв, а оттуда на Ельню. Вы как раз к началу сентября туда успеете,

а когда там наши начнут наступление, там такой бардак будет как у немцев, так и у нас, что спокойно пройдёте через фронт.

Климов перестал стучать обоймами и протянул их мне: – Ты только сейчас ещё больше утвердил меня в своём мнении – авантюриста, Ладно, давай прощаться. Вряд ли мы с тобой ещё увидимся. Спасибо тебе....

– Вам тоже удачи. Да, ещё верните мне один вальтер. Мне левый ствол нужен.

– Какой левый? – Удивился Климов.

– Сторонний пистолет нужен, чтоб не светить свой ТТ...

– А..., понял, – подполковник обернулся и крикнул, – Шипко, иди сюда. Поносил вальтер, теперь давай обратно. Тимофею он нужнее...

Часть третья

Зима 1942 года

Глава первая

Просторный, светлый и тёплый дом был наполнен приятной суетой, хлопаньем дверей, умопомрачительными, вкусными запахами и весёлыми разговорами в предвкушение скорого застолья, когда всей семьёй торжественно садились за стол, отмечая рождественский сочельник, вкушая постные блюда. Затем, опять же всей семьёй, чинно шли в церковь на вечернее богослужение праздника Рождества Христова. А уж потом, начиналось обильное застолье, когда можно хорошо выпить, вкусно покушать, соскучившись по мясным блюдам и душевно пообщаться в семейном кругу. Хотя в семье особо и не соблюдался пост, но всё-таки старались воздерживаться в скоромной еде. И с общением в последнее время было туговато. Братья Кондрат и Ефим больше пропадали на службе в полиции, чем дома. И работы прибавлялись им с каждым месяцем всё больше и больше.

Все мужские дела по хозяйству и в приготовление к празднику были выполнены, всё остальное ложилось на женские плечи, тем более что матери и Агаше пришлось помогать жёны братьев. Поэтому, накатив с разрешения отца по стопашке крепкого самогона, да и он сам с удовольствием выпил, накинув на плечи нагольные полушубки, в окружение сыновей, Силантий Иванович солидно вышел во двор покурить.

Мы уютно расселись на заснеженных лавочках под голой берёзой, отец по старинке стал крутить самокрутку, а братья достали сигареты. Я, как единственный на хуторе не курящий мужчина, стал беззаботно щёлкать щедро просоленные семечки. Как выразился отец, сделал первую затяжку и оглядев двор, сыновей напротив, блаженно прищурившись – Благодать! А чего бы не быть в блаженном настроении – живём богато, сытно. Война идёт где-то за тридевять земель, прокатываясь иной раз мимо по тракту, в тридцать верстах от нашего хутора. Сыновья при власти и при должности, приносящие уверенность в крепкое и надёжное будущее.

Но вот, в свете событий последнего месяца на таком далёком фронте, немного это светлое будущее слегка потемнело и пошатнулось. И уверенность превратилась из крепкой, немного в сомнительную, добавив изрядную толику тревожных раздумий. Правда, в открытую об этом никто не говорил и свои сомнения, если они возникали, вслух не высказывали – не дай бог, кто неправильно поймёт и потом косо все будут смотреть. Но на скамейке сидели свои, поэтому поговорив в который раз о преимуществах табака и минусах немецких сигарет, легко обсудив свои хозяйственные, зимние дела, отец открыто задал тревожащий его вопрос. И этот вопрос беспокоил не только отца, но и всех жителей хутора, который при немцах жил спокойно и зажиточно. Подавляющее большинство хуторских казаков служило в полиции. Либо здесь в опорном пункте, либо в городской полиции и своей службой, всё-таки помогали немцам ковать победу над большевизмом. Поэтому военная неудача немецкой армии под Москвой, оставила болезненный след на душе каждого казака и заставила несколько по другому взглянуть на эту службу и иной раз вздрагивать от витавшего в воздухе вопроса – А что будет, если Красная

армия так и погонит немцев, как когда-то Наполеона и уже через полгода будет здесь? И ведь могут спросить... И очень жёстко уже за всё – и за прошлое, и за настоящее.

– Что ж, сыны, скажете? Вы там около власти крутитесь, с господином комендантом ручкаетесь, давайте батьку успокаивайте – Что там нам впереди жизнь сулит?

Так-то сами немцы не особо распространялись о своей военной неудаче, а так как и мы вынуждены были сдать свой радиоприёмник осенью, то слухи ходили очень разные и зачастую преувеличенные. Все знали, что красные устроили под Москвой наступление свежими силами и не только нанесли серьёзное поражение немцам, но и отогнали их далеко от Москвы.

Отец смотрел требовательно, посасывая самокрутку, старшие братья молчали, а я ждал – как они будут интерпретировать всё это. И в очередной раз не разочаровался в их житейской сметке и уме. Простыми, обычными словами, толково хоть и полностью не сняли отцовскую тревогу, но по крайней мере сильно его успокоили.

– Батя..., – Кондрат решительно затушил окурок сигареты о скамью, огляделся кругом, куда бы его деть и стал растирать остатки сигареты сильными пальцами в пыль, – знаешь ведь сам, что военной счастье оно мимолётное. Так и здесь. Накопили большевички резервов, воспользовались тем, что немцы не готовы были к такой холодной зиме и ударили. Ну..., отогнали их от Москвы... Ну и что!? Это лишь местный успех и скоро их наступление выдохнется. Ведь они сумели так атаковать только под Москвой... А остальной ведь фронт стоит без изменений и скоро все снова стабилизируется. А вот весной немцы сами погонят Советы. Так что не беспокойся, хотя бы потому что тут тыща вёрст будет от Москвы... Когда это ещё – если вдруг...

– Ну..., а если? – Всё-таки продолжал гнуть в свою очередь отец.

Тут уже вмешался в разговор Ефим, опёршись руками на колени: – Ну, а если!? Тут два варианта: либо их остановят на старой границе. Ну..., в крайнем случае, на новой границе. Как бы там не было, но Англия и Америка просто не позволят, чтобы Советы в Европу пошли. Вон, Кондрат подтвердит, – Ефим кивнул на старшего брата, – нас предупредили, что правительство Польши в изгнание, которое сейчас в Англии прячется, хочет активизировать борьбу на территории страны против немцев. Так что если немцев погонят, не дай бог, то тут поляки встанут и не пустят красных.

– Дык..., сынок... Поляки в данном случае не лучше. Как говорить – из огня, да в полымя...

– Батя, – Ефим коротко и решительно махнул ладонью, – с поляками мы договоримся. У нас с ними один общий враг – большевики. А мы местных поляков не прижимаем, так что всё будет нормально... Ну и сам должен понимать – мы тоже тебе многое сказать не можем. Военный секрет, – Ефим значительно поднял указательный палец на уровень головы, – и уж поверь, мы с Кондратом делаем всё, чтобы ни при красных, ни при поляках и немцев порухи нам не было.

Отца успокоили. Не в последнюю очередь в этом сыграла и добрая порция самогона. После чего окончательно втянулись в праздничную обстановку. Вечером, за общим столом и коротенькой молитвы, вкусили постную пищу и всей семьёй, в приподнятом настроении торжественно направились в церковь на богослужение, степенно здороваясь с идущими в эту же сторону многочисленными семьями казаков. Под пение и плавный речитатив священника отца Евлампия, ведшего службу, механически крестясь и кланяясь вместе со всеми, я ушёл в свои мысли, невольно подводя итоги прошедшего.

....Тогда, когда расстался с подполковником Климовым, я в деревне прожил ещё неделю. Никуда уже не лазил и все дни возился с техникой. Хотелось скорее уехать домой. А ночью выкладывался в сексе с любвеобильной Евдокией, которая оказалась на удивление весьма изобретательной. Давненько я так не трахался. Так что уезжал оттуда довольный в двойне. Полностью удовлетворённый и приятно вымотанный и любовью, и законченной задачей, желая лишь спокойного отдыха с Агашей и нормального быта. Правда, эта чертовка Евдокия пре-

поднесла мне в последнюю ночь неприятный сюрприз. То ли влюбилась в меня, то ли решила поиграть на моих эмоциях. Уже уходя в предрассветной темноте из лагеря, она остановилась, загадочно посмотрела на меня, усмехнулась и «обрадовала»: – Жалко с тобой расставаться, милёнок. Хорошо и жарко любишь. Жалко только что занят, с то бы упала в ноги батяне и упростила, чтобы жизнь связать с тобой. Была бы очень тебе верной. Душно мне здесь, вырваться хочу отсюда. А так, прощай... – горько засмеялась и убежала, оставив меня в недоумение и в раздрае. Но к вечеру, я забыл про неё, когда меня горячо обняла Агаша.

До осени занимался приведением в порядок технику, поиском запчастей, налаживанием поставок горючего, ну и конечно поиском водителей на неё и налаживал работу нашего автопарка, где вскоре работало двадцать два человека. Из тринадцати брошенных машин, сумели восстановить десять. Один грузовик забрали к себе в семью. Туда же определили и трактор Сталинец, закрепив за ними Серёгу-сапёра. Он вроде бы у Кондрата и других полицейав сумел своей лояльностью и работой завоевать доверие и теперь жил у нас на хуторе при опорном пункте. Туда же отдали и два автомобиля на нужды полицейского опорного пункта и в основном они использовались на личные нужды хуторян. Саня, второй сапёр, тихий, спокойный парень обучился у Серёги вождению и тоже был приписан к опорному пункту. Ездил то ездил, но в технике всё равно был слаб и всё техническое обслуживание в большей степени свалилось на Серёгу, но тот всегда к этому делу притягивал Саню и потихоньку поднимал его технический уровень. Я приглядывался к этим парням, пытаюсь разобраться в них – смирились они с существующей ситуацией или на время затихли? И можно ли на них опереться в своей борьбе? И пока не сумел их понять. Остальная техника осталась в городе и на базе автопарка мы развернули частное предприятие. Занимались извозом, двумя тракторами пахали. Работы хватало и мы довольно неплохо зарабатывали. Сам я этим не хотел заниматься, поставив во главе предприятия Матеуша, и остался доволен его разворотливостью. Себе оставил роль свободного форварда – и вроде бы полицай, и при службе, в то же время прикрываясь своими братьями, автопарком, службу естественно «не тянул», чем вызывал глухое раздражение у некоторых полицейав. Хотя пока, о чём они ещё не могли догадываться, служба у них на данный момент была лёгкой и спокойной. Вот на следующий год...!?хлопот у них действительно прибавится. А пока в районе тишь и благодать, да и немцы не нарезали нам никаких задач на этом временном отрезке. Так..., из неприятного было только сосредоточение всех евреев города в одном месте. С криками, плачем и горестными воплями их собрали на одной из захудалых окраинных улиц. Опять же оттуда нужно было выселить проживавших там, которые с охотой уступили свои худые дома, перебравшись в более добротные еврейские. Обозначили границы, которые евреи не должны пересекать без разрешения и стали их охранять, каждый день выгоняя на работы, что здорово не нравилось полицаям. Хорошо если день тёплый и солнечный, а если дождь и тогда приходится целый день мокнуть вместе с охраняемыми. И это было пока для них самым неприятным моментом службы. Поэтому злились и завидовали многие полицайи моей вольной жизни. Одному, особо недовольному моим положением, пришлось помочь исчезнуть из жизни, чем вызвал немалый переполох в полицейской среде. Да и гнида хорошая была. Несколько раз оказывался свидетелем скотского отношения к евреям, когда он их выгонял на работу. При малейшей провинности жестоко избивал мужчин и не упускал возможности облапать приглянувшуюся евреечку. Думаю, что он их не только лапал. Но я вёл себя уже гораздо сдержанней в таких моментах и не выдавал своих эмоций, выжидая удобного случая покарать эту сволочь. Вскоре удачный момент представился и недалеко от нашей базы, в тихом переулке, прямо среди бела дня, грохнул из вальтера недовольного. Рисковал, очень здорово рисковал. Стрелять пришлось прямо в упор, уткнув ствол в грудь полицая, чем заглушил звук выстрела. Тот, увидев меня тоже в тихом месте, довольно ослабился, скорчил на лице зверское выражение, предполагая, что им он сумеет если не напугать меня, то хотя бы привести в замешательство, что будет его маленькой победой и мстью. Вот только насладиться мифи-

ческой победой не успел, так и умер с мимолётным удивлением на лице, когда увидел в моей руке парабеллум. Выстрела никто не слышал и тело нашли лишь через час, когда я сумел своей бурной деятельностью создать эффект постоянного присутствия в мастерских. Рисканул, но зато и врага, пусть даже такого мелкого, уничтожил и добавил работы следователю Полозову. А тот от своих подозрений насчёт меня, ещё по первому случаю, не отказался. Отработал и очень тщательно все побочные версии и снова сосредоточился на мне. Правда, уже не так рьяно, как с самого начала, но чувствовал, знал – копает он под меня, ищет шероховатости и зацепки. Хотя со мной вёл себя очень ровно, не выказывая каких-либо эмоций, а просто работал. Даже удивительно было, что он не боялся копать под брата начальника полиции.

И новый случай вновь всколыхнул его подозрения. Но все его усилия пропали напрасно, уйдя «как вода в песок». В своей борьбе он столкнулся не с провинциальным, неопытным парнем, каким он наверно считал меня, а с подкованным ещё той жизнью мужиком, проживший и имеющий багаж жизненного опыта гораздо больше, чем у него. Да и чтение детективной литературы, те современные криминальные фильмы, которые посмотрел в избытке в той жизни, давали большие возможности и значительный выбор вариантов действий и контрдействий. Поэтому все его усилия были разбиты моим грамотно выстроенным алиби, вернее видимостью алиби, а также пулей не из нагана, а от вальтера, что уводило следствие в сторону от меня. В довершение всего, получил следователь хороший нагоняй и от Кондрата, который был просто взбешён вторым случаем убийства полицейского за месяц и «накручивал всем хвосты».

Как потом мне, под самогоночку весело рассказывал Кондрат, некоторые интересные моменты того горячего разговора: – Я ему говорю – чего ты уцепился за одну эту версию? Отстань от брата, тем более сам же докладываешь, что стрельнули его из другого оружия. Значит, разные люди работали. Может моего батю, теперь подозреваешь? У него же, тоже вальтер... А тот бубнит своё... Мол, есть общее в обоих убийствах. В обоих случаях забраны удостоверения полицейских. Вот для чего? И убиты только полицейские. Убиты одинаково – в упор, как в последнем случае и с близкого расстояния, так и в первом. А это говорит, что убийца был из своих, раз его так близко подпустили к себе. И каждый раз, ваш брат был рядом с местом убийства. В первом случае у него нет алиби и приходится верить его словам. В последнем, убийство произошло рядом с мастерскими и он мог выбрать момент и убить Андриана. А то что, все говорят что он всё время был на виду, тут надо по правилам перекрёстные допросы проводить и очные ставки, но это тогда будет кидать тень уже на вас. Или вы официально даёте приказ закрыть уголовное дело или я просто обязан его вести дальше.... Вот ведь, чертяка, какие условия выдвигает.... И не боится. Принципиальный.... И упёрся, что свой это сделал и всё. Ведь – говорит – немцев не трогают!? Я ему – Вот ты и разбирайся что и к чему? А дело закрывать, я не буду. А то как потом остальным в глаза буду смотреть. А так, был бы бестолочью, давно бы выгнал. Но умный, чертяка. Как он быстро раскрутил несколько крупных краж и одно убийство в городе. Красота! Ладно, пусть работает....

И ведь надо ж, потребовал на отстрел вальтер отца, что ему естественно ничего не дало.

А я тем временем, пользуясь своей свободой, катался по окрестностям, изучая местность, дороги и заодно искал место для будущего тайника. Скоро осень, дожди, потом зима, снег и под ёлку уже ничего не положишь. По идее, нужно было бы выкопать небольшую землянку, но это время, да и в смысле отсутствия в ней влажности, вряд ли у меня получится. Но в ходе поездок и изучение карты, которая была в распоряжение Кондрата, как начальника полиции, я нашёл это место. И копать не надо и сухое. Раньше в своих поездках и поисках больше, чисто психологически, ориентировался на восточном направлении, а когда всё-таки стал на карте разглядывать западную часть нашей местности и там-то увидел в пятнадцати километрах от города условное обозначения каких-то развалин. Осторожно по расспрашивал старожилы и они поведали о старинном монастыре, разрушенном аж 100 лет тому назад, когда было польское восстание в 30 годах прошлого столетия против царской России. При случае

прокатился туда и с интересом полазил среди внушительных останков каменных стен, говоривших о былом величии. Лазил осторожно, опасаясь обвалов, но всё равно, потерял осторожность и чуть не погиб в этих развалинах. Залез в большой квадрат, образованный высокими, изъеденными ветрами и дождями кирпичными стенами, справедливо предполагая здесь главный храм монастыря. Увидел неясный рисунок на ближайшей стене и решил поглядеть его поближе. Пошёл и упал в дыру в полу, затянутую по краям густой травой и мелким кустарником. Ещё бы сантиметров двадцать в сторону и нанизался задницей на ржавый железный штырь и остался там навсегда. Да и так было больно, к тому же чуть не разбился о каменные плиты, оказавшимся полом тёмного, сводчатого коридора. Минуты полторы провалился на плитах, постанывая и охая, ощупывая ушибленные места и проверяя всё ли в порядке. Слава богу, нормально, несколько с трудом поднялся и, честно говоря, немного запаниковал, так как дыра, через которую провалился, была высоко и как бы я там не прыгал или пытался вылезти, без верёвки ничего бы не получилось. Да её ещё надо было выкинуть наверх из дыры и за что-то там зацепиться. Ни зажигалки, ни спичек, естественно как у некурящего, с собой не было. Пришлось двинуться на ощупь в темноту и уже через десять шагов уткнулся в остатки дверей. Большой подвал метров десять в длину, судя по моим осторожным шагам. В кромешной темноте пошёл вдоль стены, шаря по ней руками, и больно ткнулся коленом в какие-то камни, оказавшиеся после долгого ощупывания каменными ступенями. Начал по ним подыматься и выбрался в ещё один коридор, где на своё счастье, в конце его, увидел тусклый свет, явившимся разрушенным входом. Как я тогда обрадовался! Больше там не лазил. Вернулся на следующий день, укомплектованным для блуждания по тёмным подземельям и в хорошей кладоискательской лихорадке. Но она быстро прошла, потому что, пройдя путь до места, где провалился – там и пришлось закончить. Если бы вчера завернул в другую сторону, то через несколько шагов уткнулся в непроходимый завал до самого потолка. А так я всё равно был рад. Подвал действительно оказался большим и сухим и полностью подходил под мои цели. Тем более, что судя по отсутствию других следов, кроме моих, тут никто не лазил наверно лет пятьдесят. Много было гнилого хлама под толстым слоем пыли, но часть его сдвинул к дальней стене, а большая часть просто рассыпалась в труху, когда только попытался что-то с ним сделать. Тщательно подмёл самодельным веником, исчихался весь, но остался доволен тайным местом.

Проблема с тайником была решена и теперь стал изучать местность в западном направлении, где с удивлением обнаружил, на пятнадцать километров дальше разрушенного монастыря, достаточно оживлённую дорогу, за которой наблюдал из кустов часа два.

Хммм...., вот теперь можно попытаться пощипать и немцев. Я уже не раз пожалел, что отдал Климову всё оружие. Чёрт, надо было хоть ещё что-то оставить, кроме вальтера. Хотя бы ППШ... Лучше бы, конечно, немецкий автомат... А то ведь с одним парабеллумом много не навоюешь. Нужно было доставать ещё какое-то оружие. Желательно автомат. В городе было четыре автомата. Два в комендатуре и два в полиции – у Кондрата и Ефима. Те постоянно с ними шарахались, да и мне не хотелось их подставлять. У немцев забрать тоже не получится. Да и не хотел я трогать наших немцев, рано ещё привлекать их внимание к своим делам. Вот и ломал голову – Где и как его добыть?

И тут помог случай. Через несколько дней после моих приключений в монастыре, проезжая на машине с Кондратом по улицам города, вдруг увидел у комендатуры немецкий мотоцикл с коляской, откуда вызывающе торчал ствол пулемёта и рядом немец в квадратных мотоциклетных очках, явно приехавший на этом мотоцикле, да ещё с автоматом.

– Ух ты...! – Восхитился я, – подкрепление что ли нашей комендатуре прислали? Да с пулемётом ещё....

Кондрат нагнул немного голову и посмотрел на немца сквозь лобовое стекло: – Да не... Это раз в неделю нашему коменданту с главной комендатуры привозят фельдъегеря почту. Приказы там, документы, распоряжения...

– Аааа... , понятно, – с деланным равнодушием протянул я, а сам себе сделал зарубочку, – вот оно – желанное оружие.

По какой дороге они будут возвращаться к себе, гадать не нужно – дорога туда, только одна. И остаётся только продумать – Как остановить немцев и как их уничтожить?

Тоже долго не думал, вспомнив прочитанное о Великой Отечественной войне и уже на следующий день, на мотоцикле промчался по той дороге, прикидывая место, где можно сделать засаду. Таких обнаружилось три места: прямые и ровные участки дороги, хорошо просматривались в обе стороны. И если вдруг появятся не нужные свидетели, когда буду потрошить немцев, можно быстренько скакнуться в кусты и смыться. Но... , всё-таки выбрал четвёртое – довольно резкий поворот, как раз налево, укатанный и длинный глиняный участок дороги, немножечко под уклон, позволяющий набрать приличную скорость и не сбавлять её на повороте, потому что руль поворачивается от коляски, которая будет в этом случае противовесом, а за поворотом приличный откос и деревья, куда они потом улетят. И у меня будет несколько секунд, пока они там очухиваются, чтобы подскочить и легко перестрелять немцев. Немаловажным было и другое обстоятельство – я мог по лесным тропам близко подъехать на мотике к засаде и в случае неудачи также быстро оттуда смыться.

И вроде бы всё предусмотрел, но вот про «овраги» не подумал... И такие «овраги»... Да ещё на совершенно ровном и неожиданном месте. Короче – смех и грех... Это сейчас, вот здесь, стоя в церкви можно посмеяться, а тогда я был на грани гибели.

.... Проводив взглядом из придорожного густого кустарника немецкий мотоцикл, заезжающий в город, удовлетворённо хмыкнул. Они приехали в то время, что и раньше. Единственно, что меня смутило – их было не двое как обычно, а трое. И развалившийся немец в коляске за пулемётом, был в офицерской фуражке. Первая мысль была отказаться от засады. Всё-таки я рассчитывал на двоих противников, да и с двумя гораздо проще и легче разобраться, чем с тремя. Но с другой стороны, я долго готовился, удачно организовал себе алиби: якобы с утра поехал за грибами, а перед этим целую неделю всем рассказывал, как хочу жаренных грибов. Уехал на мотоцикле на виду у кучи народа, да ещё в противоположную сторону от места, где планировал саму засаду. В течение часа набрал грибов в лукошко. Спрятал корзину и рванул дальними лесными тропами на это место. А как оно будет в следующий раз? И как организовывать снова алиби? Да и что душой кривить, появился некий нездоровый азарт и настроился именно на сегодня? Тихо снялся с придорожного наблюдательного пункта, ушёл в глубину леса, где оставил мотоцикл и не спеша поехал к выбранному для дела месту. Обычно немцы, передавав почту коменданту в течение пятнадцати минут, обстоятельно обедали в комендантском взводе, после чего спокойно перекуривали и общались с другими солдатами взвода в пределах тридцати минут и уезжали обратно. Скорее всего, в этот раз, при наличии офицера, время пребывания у них сократиться, но всё равно времени, чтобы доехать до засады и приготовиться было достаточно.

Приготовление заняло буквально три минуты. Достал из-под кустов, заранее спрятанную крепкую и длинную верёвку. Ушёл на ту сторону дороги и привязал один конец к стволу берёзы и залёг там же, в ожидание немцев, прислушиваясь к округе. По идее немцы должны были уже появиться, но вместо звуков мотоциклетного мотора, с той стороны послышались пронзительные и тягучие скрипы медленно ползущей телеги.

Чёрт, не вовремя появившейся крестьянин мог сорвать всё. Не будешь же при нём устраивать бойню. Да и его тогда как свидетеля придётся валить.

«Быстрее проезжай...» – это было единственное моё желание в этот момент. И как это всегда бывает, эта чёртова деревенщина, наконец-то доехала до моей засады и как специально остановилась. Видите ли – ему пописать захотелось. Приспичило. Ссал долго, с довольными стенаниями чуть ли не на меня, потом долго сворачивал самокрутку и я уж думал теперь-то он поедет. Чёрта с два! Теперь, посасывая самокрутку, и пуская густые сизые клубы дыма,

он неторопливо обошёл лошадь, добродушно потрепал её по морде, оглядел телегу и занялся устранением скрипа. Долго возился и чем-то смазывал ось колеса и лишь потом тихонько двинулся вперёд, сопровождаемым теперь лишь тихим поскрипыванием колеса.

Я всё это время скрипел зубами от злости, закатывал в бешенстве глаза, со злобой сжимая в руке вальтер и по-моему, если бы он проторчал ещё минут пять напротив меня – вышел и со сладострастием пристрелил его, а потом ещё и лошадь, убил телегу, раздробив пулями злосчастное колесо....

Но, слава богу, он уехал и теперь яростно молил бога, чтобы этот долбаный мужик успел до появления немцев убраться как можно дальше и не слышал моих выстрелов. А немцев всё не было и не было, что не прибавляло мне настроения. Посмотрел на простенькие часы и с сожалением констатировал вполне вероятный банальный облом своей операции. Наверно, они остались с ночевой. До вечера оставалось совсем немного, да и погода начала портиться, натягивая на небо тяжёлые, свинцовые тучи, прямо набухшие влагой и медленно волокущиеся по низкому небу.

– Блядь...., – от души выругался и в очередной раз глянул на потемневшее небо, – надо уезжать... А то вымокну, до нитки. Раз не повезло, то хоть сухим домой приеду.

Начал отвязывать от берёзы верёвку и вдруг услышал далёкий, такой желанный стрёкот.

– Чёрт..., чёрт... Успеваю..., – обрадовался и резким движением снова затянул узел на белой коре дерева, хватанул моток верёвки в руки и, пригнувшись, побежал через дорогу. Перескочил в прыжке мелкую канаву, заросшую густой травой, вломился в кудрявый, разросшийся куст и вот она следующая мощная берёза. Быстренько обежал, оборачивая её верёвкой, чуть продёрнул и выглянул поглядеть. Как она там легла на дороге? Нормально. А звуки весело бегущего по дороге мотоцикла уже доносились из-за близкого поворота. Я напрягся, крепко уцепился в крупный узел, приготовившись к рывку и начал про себя считать, глядя поверх куста на поворот: – Один, два, три..., четырееее..., – и вот он. Из-за поворота вылетел, как я и предполагал на этом участке, на высокой скорости мотоцикл с тремя седоками.

– Пять! – Я ринулся вокруг берёзы, стремительно поднимая верёвку с дорожного полотна, одновременно натягивая и обматывая её вокруг ствола, чтобы сдержать, затормозить рывок верёвки двойной петлёй, когда на неё налетит такая масса. Всё сыграло как надо. Верёвка удачно взвилась и сразу туго натянулась. Увидев стремительно взлетевшее препятствие, водитель попытался затормозить, одновременно вильнув рулём влево, но было поздно и они со всего размаху налетели на верёвку. Водителя и седока сзади, выглядывающего из-за спины, снесло сразу и они с истошным воплем отправились в полёт над дорогой, а над офицером верёвка благополучно пронеслась по воздуху, даже не зацепив фуражку. Но это никак не повлияло на его незавидное положение. Оставшись без водителя, мотоцикл продолжил движение дальше, руль завернул ещё больше влево и через мгновение, с грохотом, слившись с воплем офицера, задрав зад, трёхколёсная машина устремилась под откос и скрылась из виду. Там долго ещё грохотало, но я этого не видел и не слышал. Мне нужно было, как только седоки слетели с мотоцикла, тут же отпустить верёвку или ослабить хватку, чтобы она сама от рывка вылетела из рук. А заглядевшись на всё это, я промедлила некую долю секунды, за которую меня мощно дёрнуло вперёд. Нет..., я и предполагал, что рывок будет и надеялся, что двойная петля верёвки намного уменьшит его. Но вот так...!!!! С такой силой. Я просто не успел отпустить узел на верёвке, мощно дёрнуло вперёд и меня со всей дури, телом и головой, впечатало в толстый, шершавый ствол берёзы, да ещё так, что я на мгновение потерял сознание. Хорошо хоть ненадолго, очнулся медленно сползающим по стволу к земле, оставляя кровавый след от разбитого лица. Кровь текла из носа, рта и по-моему со лба. Перед глазами плавали радужные круги, создавая тёмную пелену перед глазами, но она быстро исчезала. Сильно болела вся грудь, которой меня тоже припечатало к стволу. Но хоть соображалка работала. Медленно работала, но сумел понять – если я сейчас поддамся слабости и эмоциям, не пойду к дороге и

не закончу дело, то мне во-первых: не уйти. Во-вторых: всё пойдёт «коту под хвост» и никакое алиби не сработает. Полозов меня расколёт на раз-два, если не грохну немцев.

Я отпустил ствол и меня сильно мотнуло отчего тут же брякнулся задницей на траву. Кряхтя от усилий и боли медленно поднялся и, шатаясь из стороны в сторону, пошагал к дороге, доставая из-за ремня вальтер. Немцы на дороге тоже шевелились, громко стоная, пытались встать и слепо шарили руками по земле. Но их приложило об дорогу гораздо сильнее, поэтому шансов кончить их у меня было больше. Один немец, скорее всего задний седок, глухо стонал и перекачивался с бока на бок, а вот водитель стоял, растопырившись на четвереньках, и тянулся рукой к автомату, лежавшему от него в двух метрах. Тянулся, тыкался лицом в укатанную грунтовку, теряя равновесие даже в таком положении, но подымался, продвигался чуток вперёд и снова тянулся к далёкому автомату и опять бился лицом об землю. Но я уже вышел на дорогу, поднял парабеллум и нажал на курок, но вместо выстрела прозвучал сухой щелчок. Нажал ещё раз, целясь в спину ползущего немца, и опять осечка. А глянув на вальтер, понял – тому тоже досталось от удара об ствол и весь верх двигающегося затвора был в остатках коры. Сунул вальтер обратно за ремень, заторможено обошёл ползущего водителя мотоцикла и поднял с дороги автомат. Немецкой машинке тоже досталось от удара, но уже первая короткая очередь порадовала ровной строчкой на спине немца и тот сразу послушно и окончательно ткнулся лицом в дорогу. Второй очередью прикончил следующего, прекратив его молчаливое страдание, а по откосу, к дороге лез совершенно цельный офицер с пистолетом в руке, но без фуражки. Он даже успел выстрелить в меня с пяти метров и промахнулся. Всего на чуть-чуть и если прозвучит следующий выстрел, то во мне появится аккуратная лишняя дырка. Но второй раз выстрелить он не успел и длинной очередью я его опрокинул назад и тело офицера безжизненно заскользило по траве вниз головой.

Фу... Всё. Дело шло к вечеру и вряд ли кто сейчас появится на дороге. Можно было присесть и отдохнуть немного, прийти в себя, но с другой стороны понимал – если сейчас дам себе слабину, то потом просто не смогу мобилизоваться и закончить дело. Постоял, на дороге, покачиваясь из стороны в сторону, и пошёл глянуть, что там с мотоциклом.

Мотоцикл не перевернулся, как предполагал, а просто на приличной скорости скатился вниз, проехал метров двадцать и остановился, врезавшись в дерево. Но пока он ехал, видать его здорово трепыхало по неровностям. Крышка багажника была раскрыта и оттуда выпало от тряски половина содержимого. Пулемёт вылетел из коляски и воткнулся стволом в мягкую землю. Около дерева валялись коробки с лентами, сорвавшиеся от удара с мотоцикла вместе с креплениями. Посмотрел и сморщился от предстоящего, хотя могло быть и хуже. Например, мотоцикл перевернулся и его размолотило по земле, превратив в измятый кусок железа, а так только приличная вмятина в коляске. Теперь надо спуститься вниз и проверить – смогу ли завести мотоцикл? Если он заведётся, то тогда надо будет загрузить убитых на коляску. Отъехать подальше и скинуть трупы, отогнать мотоцикл с оружием в другую сторону и спрятать его, до лучших времён. Вернуться к своему мотоциклу и уехать домой. Гигантский при моём ущербном физическом состоянии объём работы.

Если не заведётся, самый плохой вариант, то придётся собрать оружие, убитых и мотоцикл оставлять здесь, а самому на своём мотоцикле мотать отсюда. Немцев хватятся сегодня к вечеру, а искать начнут завтра утром. Найдут их быстро. Но тогда, уже сейчас надо принимать кардинальное решение – уходить в партизаны.

Я ведь как планировал!? Сшибу немцев, выскочу, постреляю. Сам цельный и здоровенький. Если мотоцикл не пострадает, быстренько загрузю их отвезу и спрячу, и возвращусь домой с грибами и даже если это моё алиби не сработает в полной мере и опять будут подозрения – сумею отбрыкаться. Опять же – если не заведётся и немцы будут тут валяться без оружия, то тоже отбрыкаюсь. Но другое дело, немцев найдут, а я весь разбитый... А уж сопоставить мой внешний вид с происшедшим, сделать правильные из этого выводы у Полозова мозгов хватит.

И ведь тогда не сумею от следователя отбиться. И тогда остаётся, только один путь – в лес. Чего мне не хочется, да и рано. Вполне возможно меня сумеют от Полозова прикрыть братья, но тогда у них закономерно возникнут неприятные вопросы – За что я убил двух полицаев? И простыми ответами тут не отделаешься. Да..., закроют на их смерть глаза, отметелят, как пообещал Кондрат, но вот смерть немцев – это ведь совершенно другое. Немало важно будет и то, что своим уходом я подставляю всех своих близких. За немцев, немцы с них спросят очень жёстко и не посмотрят на прежние заслуги. Да и мне сейчас, вот в таком состоянии уходить в лес нельзя. Это я сейчас действую на адреналине, а закончится он – свалюсь в лесу на целую неделю и бери меня там голыми руками.

Постоял немного, прислушиваясь к себе и побрёл вниз. Мотоцикл завёлся с первой попытки, что встретил без эмоций, как будто так и надо. А дальше всё было совсем плохо, стелая от боли в груди, да и во всём теле, титаническими усилиями, даже пару раз кратковременно вырубаясь, я сумел погрузить не хилых немцев на коляску, собрал всё разбросанное имущество и оружие, тоже погрузил. Тихо доехал до недалёкого съезда в лес, завернул и пара убитых, лежащих сверху, нагло выпали на дорогу. Блядь..., я и так был без сил и в очень плохом состоянии, а тут это.... Одного ещё сумел затащить на коляску, а вот второго... Матернулся бессильно на весь лес, достал верёвку, привязал его за ногу и волоком потащил в глубину чащи, с трудом продираясь между деревьями и густыми кустами. В ходе такого бесцельного блуждания наконец-то уткнулся в большую яму, образовавшуюся на месте старого, когда-то поваленного ветром дерева, которое присутствовало рядом, щедро покрытое мхом. Вот туда и спихнул тела немцев, под огромное, растопыренное корневище. Мотоцикл сумел прогнать ещё метров двести и загнал в центр обширного и высокого кустарника. Там его и бросил: найдут, так найдут. Строить какие-то далёкие планы на этот агрегат у меня просто не было сил, да и желания. Вяло покопавшись в люльке, забрал оттуда всё оружие и личные документы убитых, сложив всё это в пятнистую плащ-накидку. Но поднять не смог. Во-первых, было очень больно, а во-вторых..., и думать не хотел. Волоком, безжалостно сдирая с лесной земли мох, топча папоротник, ломая мелкие кустики, с равнодушием оставляя таким образом хорошо видимый след, оттащил громоздкий тюк далеко в сторону. Сунул его под оправдавшие ранее себя густые еловые ветви, забрав оттуда только автомат и подсумки с магазинами. Потом около часа, только на одной воле, брёл к своему мотоциклу, периодически присаживаясь, пережидая боль и восстанавливая силы, при этом через силу соображая – Как буду объяснять своё нынешнее состояние и позднее возвращение с грибов? Поездку обратно помнил плохо. Помню, что ехал, ехал медленно, поэтому не убился, потому что несколько раз падал, когда мутилось сознание. Но доехал до нужного места, где спрятал автомат с патронами и туда же кинул неисправный вальтер. В грибном месте, забрал лукошко с уже подвядшими грибами и направился домой. В километрах трёх от деревни, вдоль лесной дороги был глубокий овраг, где и решил изобразить аварию вот с такими последствиями. Разогнать мотоцикл, перед краем оврага соскочить, а мотоцикл улетит туда, где и расхерачиться, а я потом полажу по склону, наделаю следов, как-будто оттуда с трудом выбирался и заявлюсь домой. Конечно, так себе, хлипенькое объяснение, но другого придумать не смог. Но всё оказалось хуже. Как только спрятал автомат, так минут через пять наконец-то разразилась сильнейшая гроза, которая помимо ярких и ослепительных молний, оглушительного грома, тучи в сильном ливне вывалили на землю массу воды. До оврага я то сумел благополучно доехать, но вот от своего плохого общего состояния, соскочить на краю не успел, так и улетел вместе с мотоциклом в темноту оврага. Больше я ничего не помнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.